

Человек и техника

Освальд Шпенглер

Der Mensch und die Technik

Oswald Spengler

Человек и техника

Освальд Шпенглер

Ad Marginem

Содержание

Предисловие переводчика	7
Техника как тактика жизни	
I	32
II	36
Травоядные и хищники	
III	42
IV	47
Происхождение человека: рука и орудие	
V	51
VI	55
Вторая ступень: речь и предприятие	
VII	59
VIII	64
IX	70
Исход: подъем и конец машинной культуры	
X	76
XI	79
XII	86

Предисловие
переводчика

Spengler Technik.
Техника в философии
Освальда Шпенглера

Сочинять предисловие или послесловие к небольшим, ярко написанным эссе, а именно к ним относится «Человек и техника» Освальда Шпенглера, сложно уже по той причине, что не вполне ясны адресат и цель. Понятно, что читатель не является ни круглым невеждой, ни знатоком, уже читавшим эту книжку по-немецки, но степень осведомленности всё же предполагает разные по содержанию вводные тексты. Академический комментарий даже к небольшому философскому произведению ориентирован на специалистов и ставит **цель прояснения** множества спорных вопросов. Применительно к данному произведению Шпенглера это означало бы, например, перечисление и обсуждение тех произвольных интерпретаций данных биологии, палеонтологии и лингвистики, на которые опирается его антропология, — они расходятся не только с современной наукой, но и с этими дисциплинами столетней давности.

Ограничимся указанием на то, что сам Шпенглер полагал такой произвол не просто допустимым, но и должным, поскольку интуиция творца возвышается над рассудочным поиском причинно-следственных связей. Эмпиризм ученой братии в области эволюционной теории он относил к порождениям британского торгашества: «Мрак XIX столетия вместе с Дарвином узрел подъем человека от обезьяны до англичанина»¹. Опытная наука является продуктом людей большого города времен начавшегося упадка с высот культуры к цивилизации. Подобным был и его подход к историческим наукам, прямо заявленный в главном труде «Закат Европы» — его мор-

1. Spengler O. Urfragen. Fragmenten aus dem Nachlass. München: Beck, 1961. S. 343.

фология культуры целиком построена на данных истории, но до неузнаваемости искаженных предзаданной схемой. Многие ли историки христианства готовы видеть и в позднем языческом неоплатонизме, и в патристике, и в решениях вселенских соборов подготовку мусульманства? Ведь христианское учение о благодати оказывается «совершенно исламской мыслью», а Августин объявляется «последним великим мыслителем раннеарабской схоластики»². Причем на основании такой трактовки ядра «магической души» делается вывод о том, что православные народы, равно как и католические народы Средиземноморья, не принадлежат европейской культуре. Профессиональное сообщество историков Шпенглер не любил еще больше, чем эмпириков-естествоиспытателей, поскольку они куда чаще подвергали его язвительной критике.

Философия изначально представляет собой умозрение, созерцание («теория», *speculatio*), а не индуктивный вывод на основании фактов. Гегель вряд ли произносил слова: «Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов», подобные речения вполне уместны для наследника немецкого романтизма и Ницше — Шпенглер смело шел на подгонку любых данных к своим интуитивным прозрениям. Рассматривать его учение о технике нужно как составную часть спекулятивной доктрины.

Метафизика

В самом начале второго тома «Заката Европы» Шпенглер делает примечание, в котором указывается, что следующие ниже (т. е. в первой главе)

2. Шпенглер О. Закат Европы. Всемирно-исторические перспективы. Т. 2. М.: Мысль, 1998. С. 247–248.

соображения заимствованы из «метафизической книги, которую я в скором времени намерен издать». Этой книгой является его труд, имеющий заглавие «Первовопросы» («Urfragen») — расшифрованные сестрой и племянницей Шпенглера наброски, написанные по большей части в 1925–1926 годах. После выхода второго тома «Заката Европы» в 1922 году он пару лет занимался политической публицистикой, но с конца 1924 года и по лето 1927 года, когда его работу надолго прервал инсульт, он работал над книгой, которая, вероятнее всего, писалась — в подражание Ницше — как сборник афоризмов. После выздоровления он к этой работе почти не возвращался, но использовал материалы для докладов. Одним из них была его речь 6 мая 1931 года в мюнхенском Немецком музее, вышедшая затем как небольшая книга.

Учение Шпенглера обычно относят к поздней *Lebensphilosophie* — «философии жизни», которая наряду с неокантианством была наиболее популярным течением немецкой мысли перед Первой мировой войной. Сам Шпенглер чаще всего ссылаясь на Гёте и на Ницше. Если от первого он унаследовал любовь к морфологии и пантеистическое видение одухотворенной природы, то влияние Ницше заметно уже в юношеской диссертации Шпенглера о Гераклите. Учение античного мыслителя предстает как «космическая трагедия», сопоставляемая с творениями Эсхила и Софокла, — такое прочтение явным образом опирается на ранние труды Ницше («Рождение трагедии», набросок «Философия в трагическую эпоху Греции»). Переклички с текстами Ницше обнаруживаются в самых разных разделах сочинений Шпенглера, причем последний, вероятно, даже не всегда отдавал себе отчет в том, что пере-

сказывает прочитанные в студенчестве тома предшественника. Приведу лишь один пример. Почти все толкователи «Заката Европы» приводят совет Шпенглера юношеству: не заниматься научной теорией или искусствами, но получать образование инженера или офицера. Только именно так определял Ницше необходимое в будущем: «сплошное политехническое образование» и получение офицерского звания каждым получающим любое другое высшее образование представителем высших слоев³. Для нас значимы в данном случае не столько подобные переключки и почитание Ницше⁴, сколько общность онтологии и эпистемологии.

Космос предстает как гераклитовский огонь жизни — «пламя» (Flamme), поток становления, самоутверждения, борьбы. Эпиграфом ко всему учению Шпенглера мог бы послужить фрагмент из Гераклита: «Война — отец всего, царь всего; одних она делает богами, других людьми, одних свободными, других рабами». Отличие от Ницше (и от Гераклита со стоиками) в том, что нет никакого «вечного возвращения» — вечной является борьба всех против всех. От неорганической природы обособляется органическая, от растительной жизни — животная. Мир растений характеризуется как «паразит земли», мир животных — как «паразит растений», хищники суть «паразиты травоядных», но умершие животные становятся перегноем и питают растения — таков круговорот в вечном убийении друг друга живыми существами. «Птица поедает гусеницу, лиса охотится на птицу, а человек

3. Nietzsche F. Der Wille zur Macht. Stuttgart: Kröner, 1996. S. 532.

4. В письме Э. Фёрстер-Ницше он обещал издать трехтомник избранных сочинений ее брата.

на лисицу. Живые звери затем будут пожраны червями. Больное животное уже есть гумус для других зверей»⁵. Эта война за выживание непрестанна, в ней Шпенглер видит изначальное проявление техники как «тактики всей жизни». Всякое орудие есть оружие. Уже на уровне растительного мира мы имеем дело с элементами такой вооруженности — в качестве примера Шпенглер приводит шипы и ядовитость некоторых растений. Однако в полной мере подобная тактика присуща животным — есть тактика нападающего, есть тактика защиты, бегства. Однако его видение эволюции никак не сводится к естественному отбору: дарвинизм он отвергает именно потому, что случайные мутации и выживание лучше приспособленных никак не объясняет сложность строения организмов, способность к быстрой трансформации. Если бы ящерица тысячелетиями превращалась в птицу, то уже не передвигающееся на четырех конечностях, но еще не умеющее летать существо просто съели бы. Живая природа мыслится им одушевленной и способной на неожиданные метаморфозы.

Шпенглер постоянно подчеркивает, что описывает «бодрствующее сознание» (*Wachsein*): оно не тождественно бытию как таковому, остающемуся тайной, скрытой от нас космической жизнью. Душа есть микрокосмос, сердцевина мира и жизни. Сон есть космическая жизнь как таковая, только бодрствующая душа обнаруживает полярность сознания и мира. Во сне мы погружаемся в растительную жизнь. Сознание возможно лишь там, где микрокосм находится в противостоянии с макрокосмом. Сердцевиной сознания является наше «Я». Чем сильнее развито это

5. Spengler O. Urfragen. Op. cit. S. 221.

средостение, чем оно выразительнее, тем в большей степени это говорит о породе «Я», сталкивающегося с миром (*desto rassiger das Ich*)⁶. Свобода действия и мысли проистекает из трагичности существования против мира. Поэтому высокая культура всегда растет из страдания — в довольстве еще пребывают варвары, а после культуры — новые варвары времен цивилизации. Вслед за Ницше воля к власти понимается как преодоление самого себя (*Selbstueberwindung*), разорванности, тягот, судьбы.

Тело и душа образуют единство жизни, которое непостижимо для понятий сегодняшней науки — формы выразительности можно изучать физиогномически, но не систематически. Душа есть организующая форма, а воля — ядро душевной жизни. Она непостижима для науки. Характерно суждение Шпенглера о сегодняшней психологии: это сенильная психология мужчин, принадлежащих периоду цивилизации. Объективизм вообще есть свойство видения мира стариками, причем относится это не только к науке — натурализм в живописи передает именно черты отношения к миру нищей на чувства души. Душа наделена аурой, которую непосредственно улавливает первобытный человек, но которая сокрыта для городского жителя: лишь временами панцирь интеллекта приоткрывается в минуты душевных неурядиц, но обитатель мегаполиса тут же в страхе забивается обратно. Душа не ведает физического пространства тел, не имеет границ, подобно тому, как внепространственна порожденная душой мысль. Поэтому мы можем говорить о душах народов и культур, образующих индивидуаль-

6. Spengler O. Urfragen. Op. cit. S. 178.

ности более высокого порядка. Предрассудками Шпенглер считает не верования в одушевленность мира, в те дальнодействия, которые представители науки именуют «оккультизмом», но теории самой этой науки, утратившей контакт с жизнью. Души далеких и прошлых культур явлены и поныне, просто «в городах души немые и слепы, для них еще живы только внешние ощущения»⁷.

Заключительный раздел «Первовопросов» разделом «Человек и судьба»⁸ подводит итог следующими суждениями. Жизнь безжалостна, ее поток не щадит индивида, бережет только род. Чувство жалости изобретено поздним человеком высоких культур. Правит слепая судьба, которую способны уловить великие поэты — Эсхил, Шекспир, — но никак не сочинители философских систем. Можно содрогаться и отчаиваться, но судьбу это не трогает. Человек есть часть природы, поднявшаяся из ее глубин и ведущая с нею безнадежную борьбу. «Человечество» является героем этой трагедии, а «всемирная история» — последним ее актом. Единственное способное на самостоятельное творчество существо, созидающее многообразные символические миры, обречено на поражение. Да и постоянно его терпит, поскольку за каждым творческим взлетом высокой культуры наступает сначала угашающее пламя жизни холодное царство цивилизации, а затем время феллахов, уже не помнящих о былой культуре. Само историческое мышление возможно на сравнительно короткий период. Человек вообще есть лишь эпизод, краткое мгновение в мировой судьбе. Большая часть трагедии культуры уже позади, предвидим ее конец.

7. Ibid. S. 169.

8. Ibid. S. 349–350.

Однако человека высокой культуры поднимает над прочей жизнью способность придавать смысл бессмыслице, а потому он имеет право мыслить свою короткую историю как «всемирную историю» и ставить вопросы, на которые нет ответа. Мелочно и неблагородно только стонать, жаловаться и изобретать утешительные религии или оптимистичные теории «прогресса». Никакими усилиями воли не продлить ни индивидуальную жизнь, ни существование своей культуры. Всё живое преходяще, а тех, кто этого не понимает или замалчивает, Шпенглер именует «неполноценными». Судьба поместила нас не в мировую историю вообще, а именно в этот отрезок времени, в какой-то народ, сословие, религию. Не существует «человека вообще» болтливых наследников Просвещения, есть борьба в предназначенном нам судьбой мире, всегда свирепая и жестокая, до самой смерти.

Человеческая техника

В самом начале книги Шпенглер указывает на то, что проблема техники в ее отношении к культуре возникла лишь в XIX столетии, тогда как ранее техника игнорировалась. Да и то, как она рассматривалась немецкими идеалистами или материалистами («мода либеральных статей и радикальных сборищ, марксистских и социал-этических писак»), вызывает у него неодобрение. Первые пренебрегали «презренной пользой», вторые сводили технику к полезному «для человечества». Но сущность техники не сводится к изобретению инструментов и работе машин. Речь должна идти не об изготовлении орудий, а о способе обращения с ними, т. е. не об оружии, а о борьбе. Заключительная глава «Заката Европы» («Машина») начинается со слов: «Техника имеет тот же возраст, что и свободно

движущаяся в пространстве жизнь вообще». Уже потому, что животное передвигается, оно обладает также техникой движения, чтобы нападать или защищаться. Есть техника хищника, преследующего добычу, и техника преследуемого, скрывающегося от хищника, техника владения мечом и техника йоги, техника управления и дипломатии. Словом, речь идет о целенаправленной деятельности человека. Шпенглер отходит, таким образом, от самого распространенного — инструментального — понимания техники. Артефактами являются не только производимые с помощью орудий вещи, но и сами орудия, и навыки обращения с ними, и способы обучения, передачи умений и т. д. В каком-то смысле всё человеческое общество является артефактом — социальные институты создаются и воспроизводятся в процессе деятельности. А она понимается Шпенглером как борьба — «в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жестокая, борьба без пощады». Мы имеем дело с разновидностью антропологической философии техники, выводимой из свойственного всем животным раскола (Entzweiung) на микрокосм и макрокосм, душу и тело, каковой затем, уже у человека «фаустовской культуры», ведет к противостоянию «интеллекта и крови».

Шпенглера обоснованно считают одним из первопроходцев той дисциплины, которая получила наименование «философия техники». Сегодня эта дисциплина включает в себя значительный круг вопросов: от специфики технических наук и их отличий от естествознания, до противостоящих друг другу концепций — сторонники технологического детерминизма сталкиваются с разного рода обвинениями технической цивилизации. На время выхода книги Шпенглера философия техники только

формировалась, хотя уже было написано некоторое число серьезных философских трудов. Он обходится без указаний на своих далеких и близких по времени предшественников, а их было немало. Ведь в том случае, если техника не сводится к современным машинам, то рассуждать о ней философы начали в Античности. До нас дошли отрывки сочинений софистов, обособлявших существующее «по природе» и созданное посредством «искусства». Известен и большой фрагмент из Демокрита, в котором говорится о том, как нужда научила людей использовать орудия, — его в прекрасных стихах переложил Лукреций Кар:

*Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
Всё это людям нужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движенье вперед постепенном.*

Аристотелю принадлежат важные разграничения познания мира самого по себе (*episteme*) и создания мира посредством *techné*. Уже миф о Прометее указывал на эту отличную от животных способность творить посредством ремесел и искусств.

Шпенглер прав в том, что самые многообразные техники развивались в разных культурах независимо друг от друга: строительства акведуков и готических соборов, иконописи и акварели, военной тактики и бухгалтерского дела, дипломатии и придворной интриги. Однако вопрос о сущности техники не ставился. Конечно, он поспешно судит и о британском Просвещении, и о немецком идеализме: А. Фергюсон в XVIII веке выска-

зал ряд идей об отличиях человеческой техники от действий животных и о развитии механических искусств вместе с разделением труда⁹; Гегель в ряде работ (прежде всего в «Философии права») писал об упрощении труда при его всё большем разделении, что ведет к возможности замены его машинной техникой.

Обходится Шпенглер и без указания тех немецких философов и инженеров, которые с 1870-х годов задавались вопросом о сущности техники. Хорошо заметны следы того, что он читал и В. Зомбарта, и Г. Зиммеля, и В. Ратенау. Практически одновременно с его книгой выходили труды создателя индустриальной социологии Х. Фрайера, «Рабочий» Э. Юнгера и еще целый ряд книг и статей немецких авторов¹⁰. Да и не только немецких. Начиная со статьи 1915 года «Дух и машина», о технике не единожды писал Н. А. Бердяев, в год выхода книги Шпенглера курс лекций «Размышления о технике» прочитал в Мадриде Х. Ортега-и-Гассет. Изложение концепций и споров того времени далеко увело бы нас от предисловия к книге Шпенглера. Заметим лишь то, что антропологическим теориям техники часто противопоставляют онтологические, наиболее известным примером каковых является концепция М. Хайдеггера. Антропологические теории

9. См.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества М.: РОССПЭН, 2000. С. 264–266. На эти мысли ссылался К. Маркс, идеи которого о переходе от ремесла к мануфактуре, а от нее к системе машин тоже никак не свести к примитивному утилитаризму.

10. История немецкой философии техники во всем ее многообразии представлена в обстоятельной работе: Михайловский А. В. Маятник модерна. Дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.

объединяет то, что техника относится к способностям человека, но расходятся эти теории в понимании человеческой природы. Одновременно с философией техники в Германии возникала философская антропология, ведущие представители которой (М. Шелер, А. Гелен) также размышляли об условиях возможности техники, но они подчеркивали то, что у человека произошел разрыв с животным миром; человек оказывается «вольноотпущенником природы» и «недостаточным существом», возмещающим своим интеллектом и орудиями отсутствие инстинктивной приспособленности к среде обитания. Напротив, для Шпенглера человек есть произведение именно биологической эволюции. Жизнь есть борьба, которая меняет свои формы, но приводит к тому, что на вершине оказываются хищные животные, а самым умелым хищником является человек.

Он пользуется орудиями, создаваемыми с помощью интеллекта, который сам есть прежде всего оружие. Рука человека возникает как орудие хищника: она слаба сама по себе и предполагает орудие — они появляются одновременно. Рука всегда потенциально вооружена, человек изначально «мыслит руками» и лишь впоследствии, на уровне высокой культуры, мышление отделяется от работы руками, поскольку появляется нужда в том, кто направляет работу других с помощью интеллекта, еще более совершенного оружия. Так что «человек есть хищник с руками», а «рука есть опасное оружие, направленное на природу»¹¹. Часть природы, человек нацеливается на покорение природы: слабый хищник создал своим интеллектом технику, обратив ее на природу, а потому

11. Spengler O. Urfragen. Op. cit. S. 268.

сделался самым сильным. Из этого хитроумия рождаются прочие «хитрости разума», вплоть до наук и искусств. Научный критический метод также есть хитрость, он является оружием, как и всякое мышление, подбирающее средства для некой цели.

История

Изложенная в «Закате Европы» философско-историческая доктрина Шпенглера хорошо известна, нет нужды подробно разбирать то, что сегодня — с учетом столь большого интереса к учениям о независимых друг от друга цивилизациях — излагается уже не только в учебниках, но в газетных статьях и рассуждениях блогеров. Коротко говоря, им отвергается наличие всемирной истории: рождаются, развиваются и умирают обособленные культуры, являющиеся уникальными организмами. Он не без оснований относит схему Древний мир — Средние века — Новое время к слепоте европоцентризма. Какое отношение такое подразделение истории имеет к китайской, египетской, индийской культуре? Привычное нам отнесение Античности к начальному периоду европейской истории Шпенглером отвергается, поскольку античная культура умерла в V веке н. э., тогда как собственно европейская родилась в X веке. На заре каждой культуры возникает «прафеномен»¹², из которого, как из семени, рождается «душа», внутренняя форма культуры. Рост и развитие за несколько

12. Рождается он из страха небытия и хаоса — это след философии Шопенгауэра. Сходные мысли К. Г. Юнга о «священной стене символов», воздвигаемой всеми религиозно-мифологическими традициями, имеет тот же источник.

столетий приводит к вершине, а затем начинается спуск к позднему ее состоянию, которое Шпенглер назвал цивилизацией. В первом томе «Заката Европы» он сопоставляет «аполлоновскую душу» античной культуры с «фаустовской душой» западной культуры. Именно последняя переходит ныне к закатному этапу цивилизации. Речь при этом идет именно о Западе (Abendland, соответствующее Occident романских языков), а не о географической Европе — народы Южной и Восточной Европы Шпенглером к Западу не относятся, так как им не присуща «фаустовская душа». Во втором томе этой книги он подробно останавливается на «магической душе», рождающейся из позднего иудаизма и раннего христианства, развивающейся через католичество и православие и находящей свою окончательную форму в исламе.

Описав рождение и развитие высоких культур, Шпенглер столкнулся с проблемой их генезиса, с огромным материалом, накопленным этнографами, — определенное влияние на него оказал Л. Фробениус. Кроме того, цивилизации бронзового века никак не укладывались в тысячелетний ритм восхождения и упадка культур. Древние Египет, Китай, Вавилон и Ассирия с их шумеро-аккадскими предшественниками существовали куда дольше, не претерпевая существенных изменений. Шпенглер возвращается к идее всемирной истории, в которую должны войти рассмотренные им культуры. Восстанавливается единая история человечества, единая последовательность событий, разделенная на четыре ступени: а) возникновение и раннее развитие человечества; б) первобытные племена по завершении ледникового периода

примерно с 15 тысяч лет тому назад; с) ранние высокие культуры бронзового века с III тысячелетия до н. э.; d) упадок одних высоких культур, возникновение других начиная с I тысячелетия до н. э. Не все культуры достигают ступени высокой культуры и следующей за ней цивилизации, а если достигают, то в разное время. Сохранился развернутый план обширной книги, но реализован он не был — этому препятствовали болезни последнего десятилетия его жизни. Собственно говоря, «Первовопросы» представляют собой расшифрованные сестрой и племянницей Шпенглера наброски «метафизической» части труда, тогда как «историческая» часть вошла в другой подбор фрагментов «Раннее время и мировая история».

Некоторые из этих фрагментов вошли в работу «Человек и техника» в той ее части, где речь идет об отличии человеческой техники от «видовой» техники животных, о беспричинном происхождении человека в результате мутации, о «мысли руки» и «мысли глаза», о появлении речи и совместной деятельности («**предпри-
ятии**») и неизбежном возникновении тех, кто командует, и тех, кто подчиняется. Эту форму жизни, как пишет Шпенглер, можно отменить только вместе с самой жизнью — правление, вынесение решений, господство представляют собой неизбежную и самую сложную технику. Причем речь идет не о тех, кто изобретает орудия, не о каких-то «мудрецах». Как выразился упомянутый выше Х. Фрайер: «Не планирующие господствуют, но господствующие планируют». Ту же мысль Шпенглер не единожды повторял в «Закате Европы»: люди дела, будь то военные вожди или капитаны промышленности, стоят

выше жреческого сословия, к наследникам которого он относил и современных ученых. Знать живет в мире фактов в потоке времени, духовенство — в мире вечных истин. Историю большого стиля создает аристократия крови, затем ее способны подхватывать выходцы снизу. История есть борьба за жизнь племени, народа, государства. Шпенглер пишет о ненасытной душе хищника, о воле к власти вождей, о народах-завоевателях. Техника не сберегает труд, поскольку каждое новшество требует других усовершенствований и массы рабочих рук.

На нескольких заключительных страницах «Человека и техники» Шпенглер повторяет сказанное им подробнее в последних главах «Заката Европы». Все высокие культуры, переходя к цивилизации, опустошают сложную многокрасочную ткань душевной жизни. Приходит время больших городов с их расчетливыми обитателями, власти денег, которая убивает творчество литераторов и мыслителей, но плодит массы, жаждущие лишь «хлеба и зрелищ». На место поверхностного материализма и скептицизма приходят самые разнообразные суеверия. Не только в трудах историков Римской империи времен домината, но в свидетельствах того времени можно найти примеры таких «плодов просвещения»¹³. Нынешний Запад уже начал свое движение к такому упадку, но ему еще предстоит пройти через период обуздания власти денег посредством меча — начинается эпоха цезаризма.

Особенностью Запада является созданная усилиями «викингов духа» небывалая для

13. Достаточно вспомнить XIV книгу «Римской истории» Аммиана Марцеллина.

всех прошлых цивилизаций машинная техника. Шпенглер не только воспевае́т ту волю к власти, которая создала совместными усилиями ученых, инженеров и предпринимателей гигантскую промышленность, позволившую Западу покорить народы всех континентов и подчинить силы природы. Человек этой цивилизации сам сделался рабом машины. Поэтому начинается бунт против машины даже в слое вождей и творцов, тогда как чернь, порожденная произведенным индустрией достатком, восстает против самого существования этого слоя. Всецело утратившие память о корнях кочевники мировых столиц лишены чувства истории; это деградировавший тип индивида — «человек большого города есть форма отмирания души»¹⁴. Цезаризм неизбежен уже потому, что прежняя знать почти исчезла, а так называемые демократические элиты состоят из продажных мошенников. Чудовищные революции и гражданские войны расчищают дорогу цезарям, ведущим войны, лишённые прежних облагораживающих правил. Массовые армии ставят себе на службу все материальные ресурсы народов, военная техника важнее личного героизма и рыцарства. Империализм есть неизбежное следствие всякой цивилизации — таков финал высокой культуры.

Политика

«Человек и техника» завершается двумя тезисами относительно политических сил, способствующих гибели технической цивилизации. В последнем труде Шпенглера «Годы решения», вышедшем в середине 1933 года, они будут развиты в теорию двух революций, угрожающих

14. Spengler O. Urfragen. Op. cit. S. 120.

Западу: «белой революции» и «цветной революции». Первая из них происходит в самих странах Запада — возглавляемые марксистскими демагогами массы требуют всё больше материальных благ за всё меньший труд, да еще ополчаются на те элиты, которые управляют сложнейшей экономико-технической системой. Сами эти массы руководить не хотят и не умеют, они способны лишь потреблять и разрушать. Причем восстают они против капитализма в то самое время, когда их труд обесценивается конкуренцией — труд и материальные ресурсы в колониях и стоит куда дешевле. А именно туда западные промышленники стали переносить предприятия еще до начала мировой войны, а после нее этот процесс ускорился. Вместо того чтобы просто экспортировать готовые товары в отсталые страны, начали вывозить туда заводы, а вместе с ними технологии, инженеров, организаторов производства. Но тем самым появились смертельные конкуренты, которые выковывают оружие против владык. Такова «цветная революция», нацеленная уже не на рынки товаров и услуг, а на само господство белых — это месть цветных рас. Пока что смещение центров производства ведет к безработице в белых странах, но в дальнейшем оно грозит уже не экономическим кризисом, а катастрофой. Шпенглер зорко разглядел и другую слабость Запада: уменьшение рождаемости в «белых» странах в то самое время, когда привнесенные из них в Азию медицина и гигиена способствуют росту числа «цветных».

Ранее рост уровня жизни европейских рабочих обеспечивался захватом рынков, куда шли производимые в метрополии товары. «Белая революция» подрывает Запад изнутри, он утра-

чивает свою способность властвовать; она же побуждает предпринимателей переносить заводы в страны, где нет руководимых марксистами профсоюзов, а рабочая сила имеет меньшую стоимость. Но тем самым укрепляются силы «цветной революции»: одна мировая революция «идет снизу, другая извне: классовая борьба и расовая борьба»¹⁵. Прогноз Шпенглера относительно «белой революции» таков: «большевизм» на Западе еще не умер¹⁶, революционные бунты продлятся до конца XX столетия. Побеждена эта революция будет оружием Цезарей. Фашизм оценивается им как переходная форма: он сохраняет характер массового движения, не чуждого социалистическим лозунгам; партии со своими вождями тоже уйдут в прошлое, поскольку Цезарям, вождям будущего, уже не понадобятся преторианцы.

Иной он видел будущее «цветной революции». Западная цивилизация обречена на упадок и гибель, этому поспособствуют созданные ее собственными инструментами конкуренты. Однако это приведет и к неизбежному закату технической цивилизации. Машинная техника является следствием естествознания и математики, предпринимательства и воли к господству устремленной в бесконечность «фаустовской души». Для «цветных» эта техника не является внутренней потребностью, но лишь орудием в борьбе с Западом. Вместе с крушением фаустовской цивилизации эта техника будет разрушена и позабыта.

15. Spengler O. Jahre der Entscheidung. München: Beck, 1961. S. 191.

16. Он считал, что в СССР он быстро умер, сменившись восточной деспотией.

Шпенглер не единожды с презрением писал об оптимизме наследников Просвещения, утверждавших, что человеческий удел можно каким-то образом улучшить. Широко распространенный в Германии того времени термин *Weltverbesserer* применялся обычно к левым мечтателям и доктринерам, выдававшим свои сентиментальные иллюзии за прогнозы «светлого будущего». Именно к ним относятся слова Шпенглера: «Оптимизм — это трусость». Но и пессимистом он себя отказывался называть. В небольшом эссе «Пессимизм ли это?» он заметил, что он может относить себя к пессимистам, пока речь идет о судьбе человечества в целом — нет никакого прогресса, никакой цели, а само человечество есть лишь «зоологическая величина». Но во всём остальном он вовсе не пессимист, поскольку быть таковым означает не видеть впереди целей, настоятельных требований времени. А они им видятся и в развитии немецкой литературы, науки, философии, соответствующих этим требованиям. Римская твердость начала господствовать в мире, наступает эпоха Цезарей. Отсылка к последним десятилетиям Римской республики понятна: от борьбы Суллы и Мария, речей Цицерона против Катилины и его философских диалогов путь идет к становлению империи. Впереди у нее были и творчество великих поэтов, и сочинения историков, и философские труды Сенеки и Марка Аврелия. Спуск от великих создателей античной культуры, а затем и от эллинистической науки к цивилизации не означает того, что творческие силы иссякли. Они нацелены на иное: нужно хорошо понимать задачи того времени, в которое мы заброшены. Закат «фаустовской» культуры неизбежен,

его нужно принять как данность. Завершая эссе «Человек и техника», Шпенглер пишет о том, что долгом человека фаустовской культуры остается пройти до конца свой путь, сражаться на уже проигранных позициях. Закат означает не только исчезновение и гибель, но также исполнение предназначенного судьбой.

Алексей Руткевич

Человек и техника

Освальд Шпенглер

На следующих ниже страницах я излагаю несколько мыслей, заимствованных из большого труда, над которым я работаю долгие годы. Моим намерением было испытание того метода, который в «Закате Европы» применялся мной исключительно к группе высших культур, на их исторической предпосылке, первоначальной истории человека. По ходу работы я убедился в том, что большинство читателей не в состоянии удерживать в памяти всю совокупность мыслей, а потому они теряются в лучшем им известных частностях, видят криво или вовсе не видят всего остального, и вследствие этого получают ложную картину как высказанного мной, так и того, о чем идет речь. Я по-прежнему убежден в том, что судьба человека постигается лишь при одновременном и сравнительном рассмотрении всех областей его деятельности, так мы избегаем ошибочно одностороннего освещения, скажем, из политики, религии или искусства, полагая, будто они могут всё в себя вместить. Тем не менее я осмелюсь поставить здесь небольшое число вопросов, которые уже в силу их взаимосвязанности способны дать предварительный отпечаток великой тайны человеческой судьбы.

Техника как тактика жизни

Проблема техники в ее отношении к культуре и истории впервые возникает в XIX веке. XVIII столетие ставило вопрос о смысле и ценности культуры главным образом скептически, с равным отчаянием и сомнением — тот вопрос, который вел к дальнейшим, всё более мелким вопросам, а тем самым создал предпосылки для того, чтобы сегодня, в XX веке, стала заметной проблематичность всей мировой истории.

Тогда, в век Робинзона и Руссо, английских парков и пастушеской поэзии, в самом «первобытном» человеке видели некую овечку, мирную и добродетельную, лишь впоследствии испорченную культурой. Технику вообще не замечали и во всяком случае считали ее — в сравнении с рассуждениями о морали — чем-то не заслуживающим внимания.

Но со времен Наполеона колоссально разросшаяся машинная техника Западной Европы, с ее фабричными городами, железными дорогами и пароходами, заставила, наконец, со всей серьезностью поставить эту проблему. Что означает техника? Каков ее смысл в рамках истории, какова ее ценность для человеческой жизни, каков ее нравственный или метафизический уровень? на это были даны бесчисленные ответы, но по существу они сводятся к двум.

По одну сторону стояли идеалисты и идеологи, запоздалые потомки гуманистического классицизма времен Гёте, которые с презрением относили технические предметы и экономические вопросы вообще за пределы культуры как нечто низменное. Наделенный великой чувствительностью ко всему реальному, Гёте во второй части «Фауста» попытался проникнуть в глубины этого мира действительности.

но уже с Вильгельма фон Гумбольдта начинается чуждающееся действительности филологическое рассмотрение истории, для которого уровень исторической эпохи измерялся в конечном счете количеством написанных картин и книг. Государь получал значимость лишь в том случае, если меценатствовал. Во всем остальном он не стоил внимания. Государство было постоянной помехой для истинной культуры, свершавшейся в лекционных залах, ученых салонах и мастерских художников; война считалась невероятным варварством прошлых эпох, а хозяйство — чем-то прозаическим и тупым, что можно было не замечать, каждодневно им пользуясь. Упоминание великого купца или инженера наряду с поэтами и мыслителями означало чуть ли не оскорбление величия «истинной» культуры. Достаточно посмотреть на «Размышления о мировой истории» Якоба Буркхардта. Такой была точка зрения большинства занимавших кафедры философов, да и многих историков — вплоть до литераторов и эстетов нынешних больших городов, которые ставят изготовление романа выше конструирования мотора самолета.

По другую сторону стоял материализм, в основном английского происхождения — великая мода полуобразованных слоев второй половины прошлого столетия, мода либеральных статей и радикальных сборищ, марксистских и социал-этических писак, полагавших себя мыслителями и писателями.

Если первым недоставало чувства реальности, то для вторых характерна поразительная нехватка глубины. Идеалом было исключительно полезное. К культуре принадлежало, культурой было полезное для «человечества». Всё остальное считалось излишеством, предрассудком или варварством.

Но полезным было то, что служило «счастью большинства», а счастье заключалось в бездельи. Таково последнее основание учений Бентама, Милля и Спенсера. Цель человечества состояла в том, чтобы избавить индивида от возможно большей части работы, возложив ее на машины. Свобода от «рабства зарплаты», равенство в развлечениях, довольство и «наслаждение искусстваами» — во всем этом дает о себе знать «*panem et circenses*»¹ поздних мировых городов. Филистеры прогресса приходили в восторг от всякой кнопки, приводившей механизм в движение, якобы сберегавшее человеческий труд. на место подлинных религий прошлых времен пришла плоская мечтательная болтовня о «достижениях человечества», под которыми в конечном счете подразумевался прогресс трудосберегающей и развлекающей техники. о душе не могло быть и речи.

За малыми исключениями, это соответствовало вкусу не великих первооткрывателей и истинных знатоков технических проблем, но их зрителей, которые сами не были способны что бы то ни было открыть, да и ничего не понимали в технике, хотя чуяли в ней какой-то для себя прок. При полном отсутствии воображения — а это отличает материализм всех цивилизаций — рисовалась лишь одна картина будущего: вечное блаженство на земле как конечная цель и как постоянное состояние. В качестве предпосылки брались тенденции развития техники, скажем, 80-х годов прошлого века — с тем сомнительным противоречием самому понятию прогресса, которое исключает «состояние». Примерами могут служить книги, вроде «Старой и новой веры» Штрауса, «Взгляд

1. Хлеба и зрелищ (лат.).

на 2000 год» Беллами и «Женщина и социализм» Бебеля. Более не будет войн, различий между расами, народами, государствами, религиями, исчезнут преступники и авантюристы, не станет конфликтов с властями и с чужаками, не будет ненависти, мести — лишь бесконечное удовольствие на тысячи лет. Даже сегодня, когда мы переживаем заключительную фазу этого тривиального оптимизма, подобные нелепицы вызывают в душе ужасающую скуку — *taedium vitae*² времен Римской империи — при одном лишь чтении этаких идиллий. Хотя бы частичная их реализация привела бы к массовым убийствам и самоубийствам.

Обе точки зрения на сегодняшний день устарели. XX век наконец-то достиг зрелости, чтобы дойти до смысла тех фактов, составляющих целое действительной мировой истории. Речь идет уже не о том, чтобы на вкус индивида или всей массы подгонять вещи и события под свои желания или надежды, выдавая их за некую рационалистическую тенденцию. **на место:** «Так должно быть» или «Так должно было бы быть» приходит Так есть и так будет. Гордый скепсис отбрасывает сентиментальности предшествующих веков. Мы научились тому, что история ни в малейшей мере не считается с нашими ожиданиями.

Только физиогномическое чувство, как я его назвал³, способно проникнуть в смысл происходящего — взгляд Гёте, взгляд прирожденного знатока людей, жизни, истории. Он смотрит сквозь эпохи и раскрывает глубинный смысл каждой из них.

2. Отвращение от жизни (лат.).

3. Unterg. d. Abendl. Bd. I Kap. II.

II

Чтобы понять сущность техники, нужно исходить не из машинной техники, по крайней мере не поддаваться искушению видеть цель техники в создании машин и инструментов.

В действительности техника принадлежит древнейшим временам. Она не является и какой-то исторической особенностью, будучи чем-то чудовищно всеобщим. Она простирается за пределы человека, назад, к жизни животных, а именно, всех животных. В отличие от растений, к жизненному типу животных принадлежит свободное передвижение в пространстве, относительная самопроизвольность и независимость от всей остальной природы, а тем самым и необходимость себя ей противопоставлять, чтобы наделять свой вид смыслом, содержанием и превосходством. Значение техники установимо только исходя из души.

Свободно передвигающаяся жизнь животных есть не что иное, как борьба, и в истории этой жизни решающую роль играет тактика жизни, ее превосходство или подчиненность «иному», идет ли речь о живой или неживой природе. Ею решается, в чем судьба — претерпевать ли историю других или быть для других историей. Техника есть тактика всей жизни в целом. Она представляет собой внутреннюю форму способа борьбы, который равензначен самой жизни.

Следует избегать и другой ошибки: технику нельзя понимать инструментально. Речь идет не о создании инструментов-вещей, а о способе обращения с ними; не об оружии, а о борьбе. В современной войне решающее значение имеет тактика, то есть техника ведения войны, тогда как техника изобретения, изготовления и применения оружия

есть лишь элемент целого. **то** же самое мы обнаруживаем повсюду. Имеются бесчисленные техники без каких бы то ни было орудий: есть техника льва, перехитрившего газель, есть техника дипломатии, техника управления, как поддержания формы государства для борьбы в политической истории. Имеются химические методы и техники применения газов. При всякой борьбе наличие проблемы предполагает логическую технику. Есть техника живописи, скачек, управления самолетом. Речь идет повсюду не о вещах, но о целенаправленной деятельности. Именно это часто упускается в исследованиях о доисторических временах, в которых слишком много думают о музейных экспонатах и слишком мало **о** бесчисленных методах, которые наверняка существовали, но не оставили видимого следа.

Любая машина служит лишь одному методу и возникла из его замысла. Все средства передвижения родились из мысли о езде, гребле, хождении под парусами, полете, а не из представления о вагоне или лодке. Сам метод является оружием. Вот почему техника не является какой-то «частью» экономики, равно как экономика не представляет собой самостоятельной «части» жизни, наряду с войной и политикой. Всё это — стороны одной деятельной, борющейся, одушевленной жизни. **но** от правдой ранних животных путь ведет к методам современных ученых и инженеров, и тот же путь ведет от первобытного оружия, хитрости, к конструированию машин, при помощи которых ведется нынешняя война против природы, с помощью которых ее удастся перехитрить.

Это называется прогрессом. Таково великое слово прошлого столетия. История виделась как прямая дорога, по которой бодро и всё дальше

марширует «человечество». По существу, под ним подразумевались только белые народы, а среди них только обитатели больших городов, а из последних только «образованные».

Но куда марширует? Как давно? **и** что затем?

Есть что-то комичное в этом марше в бесконечность, к цели, о которой всерьез даже не задумывались, не пытались себе ясно представить — не осмеливались представить, ибо цель является концом. Никто ничего не делает, не помыслив хоть на мгновение, чего он тем самым достигнет, чего он хочет. Люди не начинают войн, не выходят в море и даже на прогулку, не подумав о длительности и о завершении. Всякому действительно творческому человеку ведома та пустота, которая наступает вслед за завершением работы, а потому он его боится.

Развитию принадлежит его завершение — всякое развитие имеет начало, всякое завершение является концом: юности принадлежит старость, возникновению — исчезновение, жизни — смерть. Привязанное своим мышлением к настоящему животное не знает о смерти, не подозревает о ней как о чем-то грозящем ему в будущем. Ему ведом только страх смерти в то мгновение, когда его убивают. **но** человек, чье мышление освободилось от пут «здесь» и «теперь», который блуждает в своих раздумьях по завтра и вчера, улавливая смысл «некогда» бывшего и будущего, заранее о ней знает, и уже от глубин его сущности и от его мировоззрения зависит, преодолевает он страх конца или нет. Согласно одной древнегреческой легенде, которая вошла в «Илиаду», мать Ахилла поставила его перед выбором: долгая и спокойная жизнь или короткая, но полная дел и славы. Он выбрал последнее.

Мы были и остаемся слишком мелкими и трусливыми, чтобы выносить факт бренности всего

живущего. Отсюда розовые краски прогрессистского оптимизма, в который, по сути, никто не верит. Мы прикрываемся литературой, прячемся за **идеалы**, только б ничего не видеть. **но** преходящесть, возникновение и исчезновение — это форма всего действительного, начиная с непредсказуемой судьбы звезд и вплоть до мимолетной толкотни на этой планете. Жизнь индивида — идет ли речь о животном, растении или человеке — столь же преходяща, как жизнь народов и культур. Всякое творение подлежит гибели, любая мысль, каждое открытие или деяние будут забыты. Во всем мы ощущаем пропавшую без вести судьбоносную историю. Перед нашими глазами повсюду лежат руины бывших творений умерших культур. Дерзкому Прометею, поднявшемуся в небо, чтобы подчинить человеку божественные силы, не избежать падения. Что нам до болтовни о «вечных достижениях человека»?

Мировая история не похожа на мечтания нашего времени. История человека коротка, если соизмерять ее с историей растений и животных, не говоря уж о долгой жизни планет. Внезапный подъем и упадок через несколько тысячелетий — это маловажно для судеб Земли, но для нас, здесь и теперь рожденных, эта история обладает трагическим величием и силой. Мы, люди XX века, спускаемся вниз зрячими. Наше видение истории, сама наша способность писать историю — предательские знаки того, что путь ведет вниз. Лишь на вершине высоких культур, при переходе их в цивилизацию, на мгновение пробуждается этот дар проникательного познания.

Само по себе совершенно безразлично, какой будет судьба этой маленькой планеты в толпе «вечных» звезд, куда через краткое время повлечет ее по бесконечным пространствам; еще безразличнее мы к тому, будет ли через пару мгновений что-нибудь

на ней двигаться. **но** каждый из нас — сам по себе ничто — на несказанно короткое мгновение заброшен в эту толкотню длиной в одну жизнь. Потому для нас она безмерно важна — этот малый мир, эта «мировая история». Судьба помещает каждого не в мировую историю вообще, но каждый рождается в каком-то столетии, в определенном месте, народе, религии, сословии. Выбирать нам не дано, родимся ли мы сыном египетского крестьянина за 3000 лет до Христа, персидским царем или сегодняшним бродягой. Этой судьбе — или случаю — нужно повиноваться. Она осуждает нас на какие-то ситуации, созерцания, деяния. Нет «человека в себе», о котором болтают философы, но только человек своего времени, места, расы. Он утверждает себя или покоряется в борьбе с **данным** ему миром, а божественную Вселенную, простирающуюся вокруг него, это совершенно не трогает. Эта борьба и есть жизнь, а именно, **борьба** в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жестокая, борьба без пощады.

Травоядные и хищники

III

Ибо человек является хищником. об этом всегда знали тонкие мыслители, вроде Монтеня или Ницше. Жизненная мудрость древних сказаний и пословиц всех крестьянских и пастушеских народов, смеющийся взор великих знатоков людей — государственных деятелей, полководцев, купцов, судей — на высоте их богатой жизни это не замалчивается и не отрицается, вопреки отчаянию всех улучшателей мира и брани разгневанных священников. Только торжественная серьезность философов-идеалистов и прочих богословов лишена мужества для признания того, что тайком всем хорошо известно. Идеалы — это трусость. и тем не менее по их трудам можно составить недурное собрание изречений, в которых они иной раз соскальзывают к человеку-бестии.

Но такое понимание человека нужно, наконец, принять всерьез. Скепсис, последняя возможная в нашу эпоху философская позиция — и эпохи достойная — уже не позволяет ходить вокруг да около. Именно поэтому я выступаю против воззрений, берущих свое начало в естествознании прошлого века. Анатомическое рассмотрение и упорядочение животного царства по своему происхождению целиком подчинено материалистической точке зрения. Картина тела предстает здесь перед человеческим взглядом лишь с тем, чтобы его разложили на составные части, химически препарировали, истязали экспериментами и получали систему покоящихся оптических единиц. Эта картина обособывалась Линнеем и была палеонтологически углублена школой Дарвина. но помимо нее имеется и совершенно другая картина: несистематический порядок родов жизни, данный неученому сопереживанию, внутреннему чувству родства «Я»

и «Ты», которое знакомо всякому крестьянину, равно как и любому подлинному поэту или художнику. Я имею в виду физиогномику¹ родов души животных — систематику строения тел я оставляю зоологам. но в таком случае появляется совсем иная иерархия — жизней, а не тел.

Растение живет, но оно лишь в весьма ограниченном смысле является живым существом². в действительности нечто живет в нем или вокруг него. «Оно» дышит, «оно» питается, «оно» размножается, но по сути оно лишь сцена для этих процессов, образующих такое единство с окружающими температурой, днем и ночью, солнечным светом и брожением почвы, что само растение не способно ни желать, ни выбирать. с ним и в нем всё происходит. Оно не ищет ни места, ни пропитания, ни других растений, с которыми оно зачинало бы потомство. Оно не движется, но подвижно — ветром, теплом, светом.

Над этим типом жизни возвышается свободно движущаяся жизнь животных, но сама она делится на две ступени. Сквозь все анатомические виды, от одноклеточного праживотного и вплоть до водоплавающих птиц и копытных животных, проходит один тип, чья жизнь нацелена на мир растений как свое пропитание. Растения не убегают и не могут обороняться.

Над ним возвышается второй тип жизни: животные, живущие за счет других животных, жизнь которых поддерживается убийством. Сама добыча очень подвижна, может сражаться и богата всякого рода хитростями. Этот тип жизни также проходит через все систематизируемые виды. Каждая

1. Unterg. d. Abendl. Bd. I Kap. II. § 4–5.

2. Unterg. d. Abendl. Bd. II S. ff.

капля воды является полем битвы, и мы, привычные к борьбе на земле, забываем о ее всеобщности или даже о самом ее существовании, а потому с ужасом наблюдаем сегодня, какие фантастические формы принимают убийство и смерть в пучинах морей.

Хищник — это высшая форма свободно движущейся жизни. Это означает максимум свободы от других и свободы для себя самого, ответственность перед самим собою, одиночество, предельную нужду в самоутверждении — в борьбе, в победе, в уничтожении. Высокий ранг типу человека придает то, что он является хищником.

Травоядное по самой своей судьбе является добычей, оно пытается спастись от этого проклятия путем бегства без борьбы. Хищник делает другого добычей. Одна жизнь по глубочайшей сущности оборонительна, другая наступательна, тверда, жестока, разрушительна. Их различает уже тактика движений: с одной стороны, привычка прятаться, удирать, быстрота бегства, уловки, увертки; с другой стороны, прямолинейность атаки, прыжок льва, пикирование орла. Есть хитрость сильного и хитрость слабого. Умными в человеческом смысле, активно умными, являются только хищники. Травоядные в сравнении с ними тупы: не только «честная» голубка и слон, но даже благороднейшие копытные: бык, лошадь, олень, которые могут сражаться только в слепой ярости и при половом возбуждении, а в прочее время смирны и послушны даже ребенку.

Разница еще виднее не по движениям, а по органам чувств. По тому, каковы чувства, различаются способы, коими дан «мир». Каждое существо живет в природном окружении, замечает оно его или нет. Лишь с помощью таинственного и необъяс-

нимого для человека отношения между животным и его окружением, посредством осязающего, упорядочивающего, понимающего чувства, из среды возникает мир всякого единичного существа³. Высшие травоядные, помимо слуха, направляются чутьем, высшие хищники правят посредством глаза. Чутье есть истинное чувство защиты. Нос чувствует приближение или удаление опасности и дает тем самым целесообразное направление для бегства.

Глаз хищника, напротив, задает цель. Уже потому, что пара глаз крупных хищников может, как и у человека, фиксироваться на одной точке в окружении, им удается зачаровывать добычу. Во враждебном взгляде для жертвы уже запечатлена ее неизбежная судьба, прыжок следующего мгновения. Фиксированные вперед и параллельно направленные глаза означают появление мира в том смысле, как он дан человеку — как образ, как мир перед его взглядом — мир не только света и цвета, но прежде всего уходящей вдаль перспективы, пространства и происходящих в нем движений, а также покоящихся в определенных местах пространства предметов. Таким зрением обладают лишь благороднейшие хищники. Травоядные, например, копытные, наделены расставленными глазами, дающими иное, неперспективное восприятие. Уже в этом заключается идея господства. Образ мира есть окружающий мир во власти взгляда. Глаз хищника определяет вещи согласно их положению и дальности. Ему ведом горизонт. Он соразмеряет объекты и условия атаки на этом поле битвы. Чутье и высматривание — косуля и ястреб — подобны рабу и господину. Бесконечное чувство вла-

3. V. Uexküll. Bausteine zu einer biologische Weltanschauung München: F. Bruckmann U. G. S. 67 ff.

сти заключено в этом дальнем, спокойном взгляде, то чувство свободы, которое проистекает из превосходства и покоится на большей силе, на уверенности в том, что он не станет ничьей добычей. Мир есть добыча, — в конечном счете из этого факта вырастает человеческая культура.

Наконец, этот факт прирожденного превосходства простирается как вовне, в бесконечные дали света, так и вовнутрь, в душевную организацию сильных животных. Душа представляет собой нечто загадочное, мы испытываем это уже при произнесении этого слова. Ее сущность недоступна никакой науке — та божественная искра в живом теле, которая должна господствовать или подчиняться в этом забытом богами мире. Ощущаемое нами, людьми, как душа в себе и в других, есть противоположный свету полюс, а свет человеческое мышление и чувство охотно принимают за мировую душу. Чем более одиноко существо, чем решительнее оно строит себе мир — против всего мира вокруг, — тем сильнее отчеканена его душа. Что противоположно душе льва? — Душа коровы. Травоядные замещают силу одинокой души большим числом, стадом, совместным чувством и массовым действием. Чем меньше нужда в других, тем больше мощь. Хищник находится во вражде со всеми, на своей территории он не терпит никого себе равного — в этом корень королевского понятия собственности. Собственность есть та область, на которую распространяется ничем не ограниченная власть; завоеванная, отстаиваемая от себе подобных, победно утверждаемая власть. Это не право на простое обладание, но на **самовластное хозяйствование и распоряжение**.

Нужно понять, что имеется этика хищников и этика травоядных. Тут ничего не изменишь. Это

внутренняя форма, смысл, тактика всей жизни. Это просто факт. Жизнь можно уничтожить, но породы ее не изменить. Прирученный, помещенный в клетку хищник — примеры мы найдем в любом зоопарке — душевно искалечен, болен, уничтожен изнутри. Есть хищники, в неволе выбирающие смерть. с травоядными ничего не случается, когда они делаются домашними животными.

В этом различие судьбы травоядного и судьбы хищника. Первый может только угрожать, второму нужны жертвы. Тот покоряется, делается мелким и трусливым, этот возвышается мощью и победой, гордостью и ненавистью. Тот сносит других, этот сам по себе. Борьба внутренней природы против внешней, в которой Шопенгауэр и Дарвин находили только несчастье *struggle for life*⁴, является высшим смыслом жизни; как думал Ницше: *amor fati*⁵. Этому роду принадлежит человек.

IV

Он не является «добрым от природы» и тупым простаком, полуобезьяной с техническими задатками, как описывал его Геккель или малевал Габриэль Макс⁶.

4. Борьба за существование (англ.).

5. Любовь к судьбе (лат.).

6. Только систематизаторское классифицирующее пристрастие чистых анатомов поставило человека рядом с обезьяной, да и это представляется сегодня поспешным и поверхностным. Достаточно почитать «Становление человечества» Клааача (Klaatsch. Der Werdegang der Menschheit), который сам был дарвинистом. Уже «по системе» человек выходит за пределы всех порядков: по одним чертам телесного строения он весьма примитивен, по другим является исключением. но нас, рассматривающих жизнь, это вообще не касается. Своею судьбой, душевно, он является хищником.

На этой карикатуре всё еще лежит плебейская тень Руссо. Напротив, тактика его жизни относит человека к великолепным, отважным, хитрым и жестоким хищникам. Он живет атакой, убийством, уничтожением. с тех пор как он существует, он хочет быть господином.

В таком случае «техника» действительно старше человека? Нет, всё же не так. Имеется гигантское различие между человеком и всеми другими животными. Техника всех животных является техникой вида. Она и не изыскивается, и не овладевается индивидом посредством обучения, и не может развиваться. Со времени своего возникновения пчела одинаково строит свои соты и будет так их строить, пока не вымрет. Они принадлежат пчеле точно так же, как форма крыла и расцветка тела. Лишь с анатомической точки зрения зоологов можно отделять друг от друга строение тел и способ жизни. Если отталкиваться от внутренней формы жизни, а не от тела, то и тактика жизни, и организация тела — оба являются выражениями одной органической действительности. «Вид» есть форма не того, что по-видимости покоится, но того, что подвижно, не бытия, а деяния. Телесная форма есть форма деятельного тела.

Пчелы, термиты, бобры делают удивительные постройки. Муравьи знакомы с растениеводством, строительством дорог, рабством и ведением войны. Широко распространены уход за выводком, празднества, планомерные странствия. Всего, на что способен человек, достигали также отдельные формы животных. Эти тенденции вообще суть спящие возможности свободно подвижной жизни. Человеку не свершить ничего, что не было бы достижимым для жизни в целом.

Тем не менее всё это, по сути, не имеет ничего общего с человеческой техникой. Видовая техника неизменна. Это и обозначается словом «инстинкт». Поскольку «мышление» животных приковано к здесь и теперь, поскольку оно не ведаёт ни прошлого, ни будущего, оно не знает также ни опыта, ни заботы. Неверно, будто самка животного «заботится» о своем потомстве. Забота есть чувство, предполагающее знание, уходящее в даль будущего, подобно тому как стыд есть знание о том, что было. Животное не способно ни каяться, ни отчаиваться. Уход за выводком, как и всё прочее, представляет собой лишь темное, не ведающее влечение у многих типов жизни. Оно принадлежит роду, а не единичному существу. Техника вида не только неизменна, она безлична.

Человеческая техника, и только она, независима от жизни человеческого вида. Это уникальный случай во всей истории жизни — индивид выходит за пределы принуждения вида. Требуется немалое усилие мысли для постижения неслыханности этого факта. Техника жизни человека сознательна, умышленна, изменчива, личностна, изобретательна. Человек стал творцом своей тактики жизни. В ней заключается его величие и его проклятие. Внутреннюю форму творческой жизни мы называем культурой: говорим об обладании культурой, творении культуры, страдании от культуры. Творения человека суть проявления такого существования в личностной форме.

Происхождение человека: рука и орудие

С какого времени существует этот тип изобретательного хищника? Это равнозначно вопросу: с каких пор существует человек? — Что такое человек? Благодаря чему он стал человеком?

Ответ звучит так: благодаря появлению руки, несравненного оружия в мире свободно передвигающейся жизни. Достаточно сравнить ее с лапой, клювом, рогами, клыками и хвостами других существ. В ней настолько сконцентрирована тактильность, что ее можно поставить чуть ли не в один ряд с такими органами чувств, как зрение и слух. Она различает не только тепло и холод, твердое и мягкое, но прежде всего тяжесть, образ и место противостоящего ей предмета, короче говоря, вещь в пространстве. Но сверх этого в ней столь поздно сосредоточивается жизнедеятельность, что она одновременно формирует осанку и движение тела в целом. В мире нет ничего сопоставимого с этим ощупывающим и деятельным членом. К глазу хищника, «теоретически» господствующим над миром, добавляется эта практическая властительница.

В сравнении с темпом космических потоков она должна была возникнуть внезапно, вдруг, как землетрясение, как возникает всё решающее, в высшем смысле слова эпохальное в мировых событиях. Поэтому нам нужно освободиться от воззрений прошлого века, которые со времен Лайелла подводят геологические исследования под понятие «эволюции». Медлительно-флегматичное изменение соответствует английской натуре, но не природе. Чтобы подкрепить «эволюцию», накручивают миллионы лет, хотя обозримые времена не показывают ничего подобного. Но мы не могли бы различать геологические слои, если бы они не разделялись

неведомыми по роду и происхождению катастрофами, и не отличали бы друг от друга виды ископаемых животных, если бы они не возникали внезапно, не сохранялись бы в неизменности вплоть до своего вымирания. **о** «предках» человека мы ничего не знаем, несмотря на все розыски и анатомические сопоставления. Со времени появления человеческих скелетов он таков же, каков и сегодня. «Неандертальцев» можно найти во всяком народном собрании. Также совершенно невозможно, чтобы рука, прямохождение, посадка головы **и т. д.** развивались бы по отдельности или одно за другим. Все они возникли вместе и неожиданно¹.

Мировая история идет от катастрофы к катастрофе, независимо от того, можем ли мы это понять и обосновать. Начиная с Г. Де Фриза² это донныне называется мутацией. Последняя представляет собой внутреннюю трансформацию, которая вдруг охватывает все экземпляры вида, разумеется, без всякой «причины», как и всё в действительности. Таков таинственный ритм действительного.

Не только рука, прямохождение и осанка возникли одновременно, но и *рука и орудие* — ранее на это никто не обращал внимания. Невооруженная

1. Вообще, что это за «развитие»? Дарвинисты говорят, что обладание великолепным оружием подобного рода способствовало борьбе за существование и самосохранение. **но** только уже готовое оружие давало бы преимущества; если брать его в развитии — которое должно было бы длиться тысячелетия, — оно было бы бесплодным привеском и даже вело бы к прямо противоположному. **а** как они представляют себе начало такого развития? Заняты охотой на причины и следствия, каковые являются всё же формами человеческого мышления, а не мирового процесса. Было бы нелепо полагать, будто подобным образом можно проникнуть в тайны мира.

2. **H. de Vries.** Die Mutationstheorie. (1901, 1903)

рука сама по себе ничего не стоит. Она *требует* оружия, чтобы самой быть оружием. Подобно тому как орудие формируется по образу руки, так и, наоборот, рука формируется по образу орудия. Бессмысленно разделять их по времени. Невозможно, чтобы сформировавшаяся рука хотя бы краткое время была деятельной без орудия. Самые ранние останки людей и их инструменты одинаково древние.

Не по времени, но логически отделимы друг от друга технический метод, а именно *изготовление* оружия, и его *применение*. Как есть техника производства скрипки и техника игры на ней, точно так же соотносятся искусство кораблестроения и мореплавания, изготовления лука и сноровки в стрельбе. Ни один другой хищник не *избирает* себе оружия. Человек же его не только *избирает*, он его *изготавливает* согласно своим собственным соображениям. Тем самым он обрел ужасающее превосходство в борьбе с себе подобными, в борьбе против других животных, против всей природы.

Таково *освобождение от принуждения* вида, неслыханное в истории всей жизни на этой планете. Вместе с ним *появляется* человек. Он сделал свою жизнь в значительной степени независимой от обусловленности своего тела. Инстинкт вида сохранился во всей своей силе, но от него *отделились* мышление и мыслящее действие индивида, свободного от чар вида. Эта свобода есть свобода выбора. Каждый сам *мастерит* свое собственное оружие, согласно собственному умению и замыслу. Многочисленные находки неудачных и отброшенных заготовок доныне свидетельствуют о муках этого первоначального «умного деяния».

Чрезвычайное сходство этих обломков на всех пяти континентах едва ли дает право различать

«культуры» (вроде Ашельской или Солютрийской), и уж совсем не дает права проводить временные сопоставления. Сходство объясняется тем, что это освобождение от уз вида поначалу выступало как великая возможность — до реализации индивидуализма было еще далеко. Никто не хотел оригинальничать. Столь же мало думали тогда и о подражании другим. Всякий мыслил и работал сам по себе, но жизнь вида столь могущественна, что результаты повсюду были сходными — так это, по существу, остается до сих пор.

К «мысли глаза» — понимающему острому взгляду крупного хищника — добавляется теперь «мысль руки». Из первого вырабатывается в дальнейшем теоретическое, рассуждающее, созерцающее мышление — «размышление», «мудрость»; из второго развивается практическое, деятельное мышление, хитрость, «рассудительность» в подлинном смысле слова. Глаз ищет причины и следствия, рука работает по принципам средства и цели. Ценностные суждения действующего относительно целесообразности или нецелесообразности не имеют ничего общего с истинным и ложным, с ценностями размышляющего, с истиной как таковой. Цель является фактом, тогда как связь причины и следствия — истиной³. Так возникают столь различающиеся способы мышления: у людей истины — священников, ученых, философов — и людей факта — политиков, военачальников, купцов. с тех времен и поныне отдающая команду, указывающая, сжатая в кулак рука является выражением воли. Отсюда объяснения по почерку и по форме руки. Отсюда же словесные

3. Untergang des Abendlandes. Bd. I. Kap. II. § 16; Bd. II. Kap. III. § 6.

формулы о твердой руке завоевателя, счастливой руке дельца, отсюда свойства души, прочтенные по руке преступника или художника.

Вместе с рукой, оружием и личностным мышлением человек сделался творцом. Все, что делает животное, остается в рамках деятельности вида, а потому не обогащает его жизни. Человек же, созидающее животное, расширяет свои владения в мире с помощью ищущей мысли и дела, а это оправдывает то, что **собственную краткую историю** он называет «мировой историей», именует свое окружение «человечеством», включая в него всю остальную природу в качестве фона, объекта и средства.

Деятельность мыслящей руки мы называем деянием. Деятельность присуща животным, деяние возникает только с человеком. Ничто так не подчеркивает различия, как зажжение огня. **В** появлении огня видны причина и следствие. Их видят и многие животные. **но** только человек измыслил метод — цель и средство — вызывания огня. Никакое другое деяние не впечатляет столь могущественно своим творческим началом. Таково деяние Прометея. Одно из ужасающих, насильственнейших, загадочнейших явлений природы — молния, лесной пожар, вулкан — само вызывается человеком к жизни, *против* всей природы. Как оно подействовало на душу — первое сияние им самим зажженного огня!

VI

Под сильнейшим впечатлением свободного, сознательного, **индивидуального деяния**, которое поднимается над одинаковым, инстинктивным, массовым «действием вида», происходит формирование собственно человеческой души. Она одинока

даже в сравнении с душами других хищников, она наделена гордым и мрачным взором ведающего о собственной судьбе, о неукротимости чувства власти в привычном к деяниям сжатом кулаке. Он враг всех и каждого — убивающий, ненавидящий, решительно избирающий победу или смерть. Страсти этой души глубже, чем у любого другого зверя. Она находится в непримиримом противостоянии со всем миром, от которого ее отделило собственное творчество. Это душа **мятежника**.

Самый ранний человек гнездится наподобие хищной птицы. Даже если несколько «семей» сбиваются в стаю, то связи между ними чрезвычайно слабы. Еще не может быть речи о племенах, не говоря уж о народах. Стаю образует случайное объединение пары мужчин, которые по случаю не стали сражаться друг с другом, с их женами и детьми, без всякого общего чувства, в совершенной свободе — тут нет стадного «мы» простых экземпляров вида.

Душа этого одиночки насквозь воинственна, недоверчива. Она ревниво оберегает собственную власть и добычу. Ей знаком пафос не только собственного «Я», но также того, о чем она говорит «Мое». Ей ведомо упоение, когда нож входит в тело врага; запах крови и стоны вызывают чувство триумфа. Всякий «настоящий мужчина» даже на стадиях поздней культуры иной раз ощущал спящий в нем жар этой первоначальной души. Тут нет жалких слов о «полезности» чего-нибудь **«трудосберегающего»**. Еще меньше беззубого сострадания, примирения, стремления к покою. Зато есть гордость своей силой, радость **от того**, что его боятся, что им восхищаются, его ненавидят; есть жажда мести ко всем, — живым существам и предметам, хоть как-то задевшим эту гордыню пусть только самим своим **существованием**.

Эта душа идет по пути растущего отчуждения от всей природы. Оружие всех хищников естественно, не таков лишь вооруженный кулак человека — с искусно выделанным, замысленным, избранным оружием. Здесь начинается «искусство» как противоположность природы. Всякий технический метод человека представляет собой искусство, да так они всегда и назывались: искусство стрельбы из лука, военное искусство, строительное искусство, искусство правления, жертвоприношения, гадания, рисования и стихосложения, научного экспериментирования. Искусственно, противоестественно любое человеческое действие — от зажигания огня и вплоть до тех свершений высших культур, которые обозначаются нами как собственно принадлежащие к «искусствам». у природы были вырваны привилегии творчества. Уже «свободная воля» есть акт мятежа. Творческий человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее всё дальше, становится всё враждебнее природе. Такова его «всемирная история», история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной, история мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку.

Трагедия человека начинается потому, что природа сильнее. Человек остается зависимым от нее, ибо она всё охватывает, в том числе и его, свое творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями. Целые расы пребывают сломленными, внутренне разрушенными, впадшими в бесплодие и расстройство духа — это ее жертвы. Борьба против природы безнадежна и всё же она будет вестись до самого конца.

Вторая ступень: речь и предприятие

VII

Мы не знаем, как долго длился век вооруженной руки, иначе говоря, с каких пор существует человек. Число лет не так уж важно, хотя сегодня их насчитывают слишком много. Речь должна идти не о миллионах, даже не о сотнях тысяч лет, но изрядное количество тысячелетий всё же минуло.

Теперь наступило время второй эпохальной трансформации, столь же внезапной и громадной. Как и первое, оно перевернуло до самого основания человеческую судьбу, вновь произошла подлинная мутация в указанном выше смысле слова. Она была давно замечена в исследованиях доисторического периода. Действительно, выставленные в наших музеях предметы вдруг обретают иной облик. Появляются глиняные горшки, следы «земледелия» и «скотоводства» — как их беззаботно и явно модернизаторски именуют — следы строительства хижин, погребений, намеки на средства передвижения. Заявляет о себе новый мир технического мышления и технических методов. с музейной точки зрения, слишком плоской и помешанной на простом упорядочении находок, различаются древний и новый каменные века, палеолит и неолит. но такое подразделение уже давно вызывает недовольство и его на протяжении десятилетий пытаются заменить каким-нибудь другим. Такие названия, как мезолит, мио- и миксонеолит, указывают на то, что продолжают держаться простого порядка объектов, а потому не могут пойти дальше. Трансформировались, однако, не инструменты, а человек. Скажем еще раз: только по душе можно проследить историю человека.

Эта мутация довольно легко датируется — V тыс. до н. э.¹. Самое большое через два тысячелетия уже начинаются высокие культуры Египта и Месопотамии. Видно, как темп истории трагически ускоряется. Раньше тысячелетия играли малозаметную роль, теперь важность обретает каждое столетие. Скатившийся камень быстрыми скачками падает вниз.

Но что именно произошло? Проникая глубже в новый мир форм человеческих деяний, мы скоро обнаруживаем запутанные и усложнившиеся взаимосвязи. Все эти техники друг друга предполагают. Содержание прирученных животных требует выращивания для них корма, а посев и жатва растений предполагают наличие тягловых и перевозящих грузы животных. Это, в свою очередь, требует построения заграждений, всякого рода постройки и перевозку строительных материалов, а транспорт опять-таки требует вьючных животных и кораблей.

Какой душевный переворот обнаруживается во всем этом? Я даю следующий ответ: **планомерная деятельность многих.** **до** сей поры каждый человек жил сам по себе, сам изготавливал свое оружие, в одиночку реализовывал тактику своей ежедневной борьбы. **В** другом никто не нуждался. Это неожиданно меняется. Новые методы простираются на длительные отрезки времени, иногда они требуют многих лет — достаточно проследить путь от срубленного дерева до путешествия на построенном из него корабле — и столь же длинных расстояний. Они распадаются на ряды точно следующих друг

1. Основываясь на исследованиях Де Геера: Reallex. d. Vorgeschichte, Bd. II (Diluvialchronologie).

за другом единичных актов и групп рядоположенных действий. Такие целостные методы, однако, предполагают в качестве неотъемлемого средства слово, язык.

Речь с помощью предложений и слов не может явиться раньше или позже, она должна возникнуть именно тогда, скоро, как и всё имеющее решающее значение, а именно, в тесной связи с новыми человеческими методами. Это нуждается в доказательстве.

Что такое «речь»?² Без сомнения, это метод, имеющий своей целью сообщение — деятельность, которая осуществляется совместно многими людьми. «Язык» есть лишь абстрактная, внутренняя — грамматическая — форма речи, включающая и форму слова. Эта форма должна иметь известную распространенность и длительность употребления, иначе сообщение не может состояться. Ранее я показал³, что речь посредством предложений проистекает из более простых форм общения — поданные глазами знаки, сигналы, жесты, предупреждающие и угрожающие крики. Все они до сих пор подкрепляют речь с помощью предложений: мелодичность речи, ударение, мимика, движения руки. В современном письме они представлены знаками препинания.

И всё же «текучая» речь по своему содержанию есть нечто совершенно новое. Со времен Гаманна и Гердера вновь и вновь задавался вопрос о ее происхождении. Причина того, что ни один из доныне предложенных ответов нас не удовлет-

2. См. по этому поводу *Untergang des Abendlandes*. Bd. II, I: *Völker, Rassen, Sprachen*.

3. Там же.

воряет, заключается в ложной постановке самого вопроса. Ибо первоисток словесной речи нельзя искать в самой речевой деятельности. Это было свойственно чуждым действительности романтикам, выводившим язык из «первоначальной поэзии человечества». Даже больше того, язык был первой поэзией, был одновременно мифом, лирикой, молитвой, а проза представляла лишь как позднейшее ниспадение до повседневного пошлого использования. **но** в таком случае следовало бы совсем иначе рассматривать внутреннюю форму языка, грамматику, логическое построение предложения. Уже такие самобытные языки, как банту или язык тюркских племен, отчетливо указывают на наличие в них совершенно ясных, строгих, однозначных различий⁴.

Но это ведет к основной ошибке врагов всякой романтики, рационалистов. Они держатся мнения, будто предложение выражает суждение или мысль. Они сидят за своими заваленными книгами письменными столами и ломают голову по поводу собственного мышления и писания. Поэтому целью речи им кажется «мысль». Поскольку они умеют только сидеть, ими забывается слушание речи, ответ на вопрос, наличие «Ты» для «Я». Они говорят: «Язык», подразумевая лекцию, доклад, трактат. Их взгляд на происхождение языка монологичен, а потому ложен.

Правильно поставленный вопрос звучит не так: «Когда возникает речь посредством слов?», но так: «Когда он возникает?» Тогда всё сразу

4. Вплоть до того, что во многих языках «предложение» является единственным гигантским словом, которым, с помощью классифицирующих приставок и суффиксов, упорядоченно выражается всё то, что намеревались высказать.

становится на свои места. Чаще всего не понимается и проглядывается цель речи в предложениях, а она вытекает из того времени, с которого она существует как беглая речь. Цель выявляется по форме построения предложений. Речь не монологична, но диалогична, роды предложений следуют не как в докладе, но как беседа между многими людьми. Цель речи — не понимание размышлений, а многостороннее согласие посредством вопросов и ответов. Каковы ее первоначальные формы? Не суждение, не высказывание, но приказ, выражение послушания, утверждение, вопрос, подтверждение, отрицание. Эти предложения всегда обращены к другому. Поначалу они, конечно, очень коротки: **Сделай это! Готово? Да! Начинаем!** Слова как обозначения понятий⁵ проистекают из цели предложения, так что сначала словарь племен охотников был совсем иным, чем в поселении скотоводов или в деревне рыбаков. Первоначально язык был трудной работой⁶ и проговаривалось только самое необходимое. Доныне крестьянин молчаливее горожанина, которому речь привычна, который не может рта закрыть и болтает со скуки, затевает пустые разговоры, даже если ему нечего сказать.

Первоначальной целью является осуществление деяния, согласно намерению, времени, месту, средствам. Однозначная формулировка была первым делом, и из трудностей понимания цели,

5. Понятие представляет собой упорядочение вещей, состояний, деятельности в классах практической всеобщности. Владелец лошади никогда не скажет «лошадь», но «силая кобыла» или «вороной жеребенок»; охотник говорит не «дикая свинья», но «кабан», «кабаниха», «вепрь».

6. И говорить бегло научались взрослые, подобно тому как много позже они стали учиться писать.

передачи собственной воли другим проистекает техника грамматики — техника построения предложений и разбивки их по рядам правильных разделов приказов, вопросов, ответов, образование классов слов на основе практических, а не теоретических намерений и целей. Теоретическое размышление не играло почти никакой роли в происхождении речи. Всякая речь по своей природе практична, она происходит из «мышления руки».

VIII

Осуществляемое многими деяние мы называем предприятием (*Unternehmen*). Речь и предприятие предполагают друг друга подобно тому, как ранее рука и орудие. Разговор со многими имеет свою внутреннюю грамматическую форму, развившуюся при осуществлении предприятий, тогда как привычка к предприятиям вырабатывалась с помощью привязанного к языку мышления. Ибо речь означает мысленное общение с другими. Речь есть деяние, но это духовное действие посредством чувственных средств. Прямая связь с телесным действием вскоре перестает быть необходимостью. Теперь, с V тыс. до н. э., эпохальным становится нечто новое: мышление, дух, интеллект или как его еще называть, через язык освобождается от привязанности к действующей руке, противопоставляет себя душе и жизни как особая сила. Здесь неожиданно и решительно всё меняя, возникает чисто духовное размышление, «расчет»; совместное действие как единство приобретает такую эффективность, словно речь идет о деятельности великана. Как это иронически выразил Мефистофель в «Фаусте»:

*Wenn ich sechs Hengste zahlen kann,
Sind ihre Kräfte nicht die meine?*

*Ich renne zu und bin ein rechter Mann,
Als hätt ich vierundzwanzig Beine.*

 разве не мое, скажи, в итоге,
из чего я пользу извлеку?

*Купил я, скажем, резвых шестерню,
Не я ли мчу ногами всей шестерки,
Когда я их в карете разгоню?*

(Пер. Б. Пастернака)

Человек-хищник сознательно желает роста своего превосходства, выходящего за границы его телесной силы. Этой воле ко всё большей власти он жертвует часть своей собственной жизни. на первом месте тут стоят мысль, расчет большей деятельности. Во имя этого он согласен отдать часть личной свободы. Внутренне человек сохраняет независимость. но в истории нет пути назад. Время и жизнь необратимы. Привыкнув к совместной деятельности многих и к ее успехам, человек всё глубже погружается в роковые сети. Предприимчивое мышление всё сильнее вторгается в его жизнь. Человек сделался рабом своей мысли.

Переход от употребления личных орудий к организации многих означает неслыханно возросшую искусность методов. Работа с искусственными материалами — гончарное, ткацкое дело — предвещает еще немного, но и она уже куда более одухотворенная, творческая, чем все предыдущее. Мы ничего не знаем о многочисленных методах, но иные из них оставили следы, говорящие об огромной силе мысли. Прежде всего те, что произросли из «строительной мысли». Существовало горное дело, добыча кремня, возникшая задолго до всякого знания о металлах. в Бельгии, Англии, Австрии, Сицилии, Португалии

появились в эти времена шахты и штольни с вентиляцией и креплениями. В них работали с помощью орудий из оленьих рогов⁷. В «ранненеолитический» период существовали развитые связи между Португалией и Северной Испанией с Бретанью (в обход Южной Франции), между Бретанью и Ирландией, предполагавшие регулярное мореплавание, а также постройку эффективных повозок неизвестного нам образца. В Испании есть мегалитические строения из обтесанных камней гигантских размеров, с платформами до 100 000 кг весом, которые зачастую должны были доставляться издалека и устанавливаться с помощью неведомой нам техники. Разве не ясно, что подобным предприятиям требовались замысел, совет, надзор, приказ, месяцы и годы подготовки, подвоз материалов, распределение задач во времени и в пространстве, набросок плана, принятие решений и управление их исполнением? Путешествие на корабле требует куда больших предварительных расчетов, чем изготовление кремневого ножа. Уже «составной лук» с испанских наскальных рисунков того времени из сухожилий, рога и определенных пород дерева требует для своего изготовления сложных методов, простирающихся на 5–7 лет во времени. Мы наивно говорим «изобретение повозки», не задумываясь о предварительном размышлении, упорядочении, действии, которые включали в себя цель, путь и способ «езды», выбор и подготовку дороги (о ней обычно забывают), приобретение или приручение вьючных животных — вплоть до вычисления величины и сорта груза, его безопасности, управления повозкой и убежищах по дороге!

7. Reallex. d. Vorgeschichte. Bd. I (Bergbau).

Совсем иной мир творений приходит от «**порождающей мысли**», а именно: **разведение** растений и животных, в котором человек замещает саму творительницу-природу. Он ей подражает, изменяет ее, улучшает, насилует. **с** тех пор как он стал возделывать, а не собирать растения, он уже явно сознательно преследует свои цели. Во всяком случае, такие открытия недостижимы для дикарей. **а** древнейшие останки костей животных, свидетельствующие о той или иной форме разведения скота, уже показывают следствия «приручения» — хотя бы отчасти они желались и достигались путем выведения новых пород⁸. Понятие добычи для хищника расширяется: добычей и собственностью становится не только убитое животное, но также пасущиеся дикие животные⁹, огораживаются эти пастбища или нет¹⁰. Стада кому-то принадлежат, племени или отряду охотников, которые отстаивают свое право на эксплуатацию. Помещение за ограду в целях разведения, предполагающее выращивание корма, представляет собой лишь один из многих видов владения.

Я показал выше, что возникновение руки имеет своим следствием **логическое** разделение двух методов: создания и применения оружия. Точно так же теперь из направляемого языком предприятия следует разделение деятельности **мысли и руки**. Во всяком предприятии различа-

8. **Hilzheimer M.** Natürliche Rassengeschichte der Haussäugetiere (1926).

9. Как и сегодня дичь в наших лесах.

10. Еще в XIX веке племена индейцев следовали за стадами бизонов, как доньяне гаучос в Аргентине следуют за стадами коров, являющимися частной собственностью. Таким образом, и кочевничество хотя бы отчасти проистекает из оседлого образа жизни.

ются замысел и осуществление: отныне первейшим и важнейшим является успех практического мышления. Есть работа вождя и проводимая работа: это стало основной технической формой всей человеческой жизни на последующие времена¹¹. Идет ли теперь речь об охоте на крупного зверя или о строительстве храма, о военном или сельскохозяйственном предприятии, об основании компании или государства, следовании каравана, восстании, даже о преступлении — всегда для начала должна иметься предприимчивая голова с идеей. Она изыскивает, осуществляет руководство, приказывает, распределяет обязанности. Короче, должен иметься тот, кто рожден руководить теми, кто вождем не является.

В век руководимой речью организации имеются не только два рода техники, которые от столетия к столетию расходятся всё дальше, но также два рода людей, которые различаются по своим способностям к одному или к другому. Во всяком методе есть техника вождя и техника исполнителя, а потому от природы есть безусловно приказывающие и подчиняющиеся, субъекты и объекты политических или хозяйственных методов. Такова основная форма сделавшейся многообразной человеческой жизни со времен этой трансформации, отменить ее можно только вместе с самой жизнью.

Пусть эта форма противоестественно, искусственна — но это и есть «культура». Она может быть роковой и временами такой действительно становится, когда воображают, будто ее можно искусственно отменить. Тем не менее она является непоколебимым фактом. Правление, приня-

11. Unterg. d. Abendl. Bd. II. Kap. V. § 2, 4.

тие решений, руководство, приказание — это искусство, трудная техника, которая, как и всякая другая, предполагает врожденную одаренность. Лишь дети верят в то, что король и спать ложится в короне, и лишь недочеловеки больших городов, марксисты, литераторы, думают нечто подобное о вождях промышленности. Предприятие есть работа, которая только и делает возможной работу руками. то же самое относится к открытию, изобретению, исчислению, осуществлению новых методов — творческой деятельности одаренных голов, имеющей своим необходимым следствием нетворческую деятельность исполнителей. к этому относится несколько старомодное различие между гением и талантом. Гений буквально¹² представляет собой творческую силу, священную искру индивидуальной жизни, которая загадочным образом вспыхивает и потухает в потоке поколений, а затем вдруг возгорается через столетия. Талант есть дар решения наличных частных задач, который можно в значительной мере развить с помощью традиции, обучения, тренировки и дрессировки. Для своего применения талант нуждается в гении, а не наоборот.

Наконец, имеется естественное различие рангов между людьми — рожденных для господства и для услужения, вождями и ведомыми жизни. в здоровые времена и у здоровых народов, это непроизвольно признается как факт, а в столетия упадка большинство начинает это отрицать или не замечать. но как раз болтовня о «природном равенстве всех» выдает то, что именно это нуждается в доказательстве.

12. От латинского *genius*, мужской порождающей силы.

Руководимое речью предприятие теперь связано с насильственным ограничением свободы, древней свободы хищника — как для вождей, так и для ведомых. И те и другие духовно, душевно, плотью и жизнью своей делают членами большого единства. Это мы называем организацией. Она представляет собой отлитую в твердые формы деятельную жизнь, бытийную форму любого предприятия. Вместе с деятельностью многих свершается решающий шаг от органического к организованному существованию, от жизни в естественных группах к искусственным группам, от стаи к народу, сословию и государству.

От борьбы между одинокими хищниками происходит война, предприятие племени против племени, с вождями и дружинами, с организованными маршами, нападениями и сражениями. На место уничтожения побежденных приходит закон, возлагающий дань на уступившего в бою. Человеческое право всегда есть право сильнейшего, коему должен следовать слабейший¹³, и такое право между племенами как нечто длительное понимается как «мир». Подобный мир имеется и внутри каждого племени, чтобы приготавливать его силы для внешних задач: государство есть внутренний порядок народа для достижения внешних целей. Как форма, как возможность государство является действительной историей народа¹⁴. Но история есть история войн, так это остается и поныне. Политика есть лишь преходящий эрзац войны с помощью оружия духа. Мужское население какого-либо народа издревле было равно-

13. Unterg. d. Abendl. Bd. II. Kap. I. § 15; Kap. IV. § 6.

14. Там же.

значно его войску. Характер свободного хищника в значительной степени передается от индивида организованному народу — зверю с одной душой и многими руками¹⁵. Техники правления, войны, дипломатии имеют один и тот же корень, и во все времена они пребывали в глубоком родстве.

Есть народы, сильная раса которых сохранила характер хищника, — разбойничьи, завоевательные народы господ, любители борьбы с людьми, передоверяющие другим хозяйственную борьбу против природы, чтобы их грабить и покорять. Вместе с мореплаванием появляется пиратство, вместе с кочевничеством — нападения на торговые пути, вместе с крестьянством — его закрепощение воинственным дворянством.

Вместе с организацией предприятий разделяются также политическая и хозяйственная стороны жизни — по направлениям к власти или к добыче. Подразделение по родам деятельности имеется не только внутри народов (воины и ремесленники, предводители и крестьяне), но также организация целых племен для выполнения единственной хозяйственной задачи. Уже тогда существовали племена охотников, скотоводов, земледельцев, поселения горняков, гончаров, рыбаков, политические организации мореплавателей и торговцев. но помимо этого, существовали народы-завоеватели, не имеющие хозяйственной работы. Чем ожесточеннее борьба за власть и добычу, тем теснее и суровее узы права и насилия для каждого.

В древних племенах индивидуальная жизнь значит очень мало или вовсе ничего. Должно быть понятно — исландские саги дают нам образ, — что

15. И с одной головой, не с многими.

из всякого путешествия по морю возвращалась лишь часть команды, при любом большом строительстве гибла немалая часть работников, во время засухи вымирали от голода целые племена. Главное — сохранить ровно столько, чтобы они могли представлять душу целого. Численность снова быстро возрастет. Уничтожением считали не гибель немногих или многих, но угасание организации, «Мы».

В растущей взаимозависимости обнаруживается безмолвная и глубокая месть природы тому существу, которое вырвало у нее привилегию творения. Этот малый творец против природы, этот революционер мира жизни сделался рабом собственного творения. Культура, включающая в себя искусственные, личностные, самодельные формы жизни, развилась в клетку с тесной решеткой для этой неукротимой души. Хищник, делающий другие существа домашними животными, чтобы эксплуатировать их в своих целях, поймал в загон и самого себя. Великим символом этого служит человеческий дом.

Растет число людей, в котором индивид утрачивает всякое значение. Ибо действия человеческого духа предпринимательства чреваты многократным увеличением населения. Там, где бродила стая из нескольких сотен, теперь сидит народ из десятков тысяч¹⁶, не остается пустого безлюдного пространства. Народ граничит с народом, и простой факт границы — границы собственной власти — возбуждает древние инстинкты ненависти, агрессии и уничтожения. Любого рода граница, в том числе и духовная — смертельный враг воли к власти.

16. А сегодня теснятся миллионы.

Неверно, будто человеческая техника сберегает труд. Сущность изменчивой, личностной человеческой техники, в противоположность видовой технике животных, в том, что каждое изобретение содержит в себе возможность и необходимость новых изобретений. Всякое исполненное желание пробуждает тысячи других, любой триумф над природой подвигает к еще более грандиозным. Душа этого хищника ненасытна, его воля никогда не удовлетворяется — таково проклятие, лежащее на этом роде жизни, но также и величие его судьбы. Покой, счастье, наслаждение неведомы как раз высшим его экземплярам. Ни один изобретатель не мог правильно предсказать, каким будет практическое воздействие его деяния. Чем плодотворнее работа вождя, тем больше требуется ведомых им рук. Поэтому начинается эксплуатация физической силы пленников враждебных племен — их перестали убивать. Таково начало рабства, которое должно быть столь же древним, как и рабство домашних животных.

Эти народы и племена приумножаются вниз, растет число не «голов», но рук. Группа природных вождей остается небольшой. Это стая хищников в собственном смысле слова, стая одаренных, которая так или иначе располагает растущим стадом всех прочих.

Но даже это господство далеко от древней свободы. **Об** этом сказано Фридрихом Великим: «Я — первый слуга моего государства». Отсюда глубокое, отчаянное стремление из бранных людей к внутренней свободе. Только здесь начинается индивидуализм, противостоящий психологии «массы». **В** этом заключается последнее восстание души хищника против темницы культуры, по-

следняя попытка выхода за пределы душевного и духовного выравнивания, возникающего и устанавливающегося под воздействием факта многочисленности. Тут берет свое начало тип жизни завоевателя, авантюриста, отшельника, даже некий тип преступника или человека богемы. Хотят избегнуть влияния засасывающего количества — поставив себя над ним, убегая от него, его презирая. Идея личности, начало которой теряется во тьме, есть протест против человека массы. Напряжение между ними обоими растет вплоть до трагического конца.

Ненависть, подлинное расовое чувство хищника, предполагает, что врага почитают. Это связано с неким признанием душевного ранга. Нижестоящих презирают. Низкие существа завистливы. Все древние сказки, мифы о богах и саги о героях полны такими мотивами. Орел ненавидит лишь ему подобных. Он никому не завидует, он презирает многих, всех. Презрение смотрит свысока, зависть косит глазами снизу — это всемирно-исторические чувства организованного в государства и сословия человечества. Мирные его экземпляры покорно трутся о прутья клетки, охватывающей всё человечество. от этого факта и его последствий не освободиться. Так было, так будет — или вообще больше никак не будет. Есть смысл почитать или презирать положение дел, изменить его невозможно. Судьба человека уже в пути, и она должна свершиться.

Исход: подъем и конец машинной культуры

«Культура» вооруженной руки существовала долгое время и охватывала весь человеческий вид. «Культуры речи и предприятия» уже четко между собой различаются, их много. В этих культурах начинается противостояние личности и массы. Только часть человечества входит в эти культуры с маниакально рвущимся к господству «духом» и насилуемой им жизнью. К сегодняшнему дню, через несколько тысячелетий, все эти культуры давно угасли и разрушились. Тех, кого мы сегодня называем «детьми природы» или «первобытными людьми», представляют собой лишь останки жизненного материала, руины некогда одушевленных форм, в которых погасло пламя становления.

На этой почве с III тыс. до н. э. тут и там вырастают высокие культуры¹, в узком и великом смысле слова. Каждая из них заполняет уже совсем небольшое пространство земной поверхности и длится едва больше тысячелетия. Это время последних катастроф. Каждое десятилетие что-нибудь значит, чуть ли не всякий год имеет «свое лицо». Такова мировая история в подлинном и взыскательном смысле слова. Эта группа страстных потоков жизни нашла свой символ и свой «мир» в городе — против деревни на предшествующей ступени: каменный город, как обиталище искусственной, оторванной от матери-земли, совершенно противоестественной жизни. Город оторван от корней мышления, он притягивает к себе и потребляет потоки жизни, идущие от страны².

Тут возникает «общество»³ с его ранга-

1. Unterg. d. Abendl. I. Kap. II. § 6.

2. Unterg. d. Abendl. II. Kap. II. Die Seele der Stadt.

3. Unterg. d. Abendl. II. Kap. IV. § 1.

ми — дворяне, священники, бюргеры — против «грубой деревенщины». Такие ступени жизни искусственны; естественно деление на сильных и слабых, умных и глупых. «Общество» становится местом культурного развития, которое целиком пронизано духом. Здесь царствуют «роскошь» и «богатство». Эти понятия завистливо искажаются теми, кто не принадлежит этому миру. **но** роскошь есть не что иное, как культура в самой притязательной форме. Достаточно вспомнить об Афинах времен Перикла, о Багдаде Гарун Аль-Рашида или об эпохе **Рококо**. Эта городская культура **насквозь и во всем** пронизана роскошью, во **всех** слоях и профессиях, становясь со временем всё более богатой и зрелой, всё более искусственной, идет ли речь об искусстве дипломатии, стиля жизни, украшений, письма и мысли, хозяйственной жизни.

Без экономического богатства, скапливающегося в руках немногих, невозможно «богатство» изящных искусств, духа, благородства нравов, не говоря уж о такой роскоши, как мировоззрения, как теоретическая мысль, сменяющая мысль практическую. Упадок хозяйства влечет за собою духовную и художественную нищету.

В этом смысле духовной роскошью являются также технические методы, вызревающие в группе этих культур — поздний, сладкий, легкорасимый плод всё возрастающей искусственности и одухотворенности. Они начинаются со строительства египетских гробниц-пирамид и шумерских храмовых башен в III тыс. до н. э. Они рождаются далеко на Юге и знаменуют победу над тяжелой массой, затем они проходят сквозь творения китайской, индийской, античной, арабской и мексиканской культур, движутся к фаустовской

культуре II тыс. н. э. на высоком Севере. Она представляет собой победу над тяжелой проблемой чистоты технического мышления.

Эти культуры растут независимо друг от друга и одна за другой сдвигаются с Юга к Северу. Фаустовская, западноевропейская культура, быть может, не последняя, но она, **наверняка**, самая насильственная, страстная, трагичнейшая в своем внутреннем противоречии между всеохватывающей одухотворенностью и глубочайшей разорванностью души. Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и Амуром, запоздало явится ее бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, восставшим против нее своим историческим существованием, *будет вестись практически до самого конца*.

Северный ландшафт тяжестью условий жизни, холодом, постоянной нуждой выковал из людской породы твердую расу — с предельно обостренным духом, с холодным пламенем неукротимой страсти к битвам, со стремлением вперед и вперед, к тому, что я назвал *пафосом третьего измерения*⁴. Это воистину хищники, сила души которых устремлена к невозможному, а превосходство мысли, искусственно организованной жизни, претворяется в кровь и преобразуется в служение, возвышающее судьбу свободной личности до мирового смысла. Воля к власти, смеющаяся над всеми границами времени и пространства, имеющая своей целью безграничное, бесконечное, подчиняет себе все континенты, охватывая, наконец, весь земной шар своими средствами передвижения и коммуникации. Она преобразует его насилием своей практической энергии и неслыханностью своих технических методов.

4. Unterg. d. Abendl. I. Kap. IV. § 2. Kap. V. § 3.

В начале всякой высокой культуры образуются оба первых сословия, дворянство и жречество, представляя собой первое «общество», возвышающееся над равниной крестьянской жизни⁵. Они воплощают идеи, причем идеи взаимоисключающие. Благородный, воин, авантюрист живет в мире фактов; жрец, ученый, философ обитает в мире истин. Один чувствует себя или является судьбой, другой мыслит каузально. Один желает поставить дух на службу сильной жизни, другой ставит жизнь на службу духу. Нигде это противоречие не обретало столь непримиримых форм, как в фаустовской культуре, где кровь хищника в последний раз восстает против тирании чистой мысли. от борьбы идей императоров и папства в XII–XIII веках и вплоть до борьбы между силами благородной традиции — королем, дворянством, войском — теориями плебейского рационализма, либерализма, социализма во французской и немецкой революциях вновь и вновь отыскивается решение этого противоречия.

XI

Во всем своем величии заявляет о себе это расхождение викингов крови и викингов духа во времена подъема фаустовской культуры. Одни ненасытно рвутся в бесконечную даль: с высокого Севера в Испанию (796 год), в глубь России (859 год), в Исландию (861 год). Одновременно они приходят в Марокко, оттуда идут к Провансу и Риму, в 865 году через Киев (Kaenugard) движутся к Черному морю и Византии, в 880 году доходят до Каспийского моря, в 909 году в Персию. Около 900 года они заселяют Нормандию и Исландию, в 980 году Гренландию,

5. Unterg. d. Abendl. II. Kap. IV. § 2.

в 1000 году открывают Северную Америку. В 1029 году они приходят из Нормандии в Южную Италию и Сицилию, в 1034 году через всю Византию проходят из Греции в Малую Азию, в 1066 году из Нормандии завоевывают Англию ⁶.

С той же дерзостью и такой же жаждой духовной власти и добычи нордические монахи XIII–XIV веков погружаются в технико-физические проблемы. Здесь нет ничего похожего на чуждое деяниям и праздное любопытство китайских, индийских, античных и арабских ученых. Тут нет спекуляций с одной лишь целью получения чистой «теории», картины того, что познается. Всякая естественнонаучная теория есть рассудочный миф о силах природы, и каждая из них целиком зависит от своей религии ⁷. Здесь и только здесь теория с самого начала является рабочей гипотезой ⁸. Последней не требуется быть «правильной», она должна быть только практически пригодной. Она не разгадывает тайны мира, но становится на службу определенным целям. Отсюда требование математического метода, выдвинутое англичанами Гроссетестом (род. в 1175) и Роджером Бэконом (род. около 1210), немцами Альбертом Великим (род. в 1193) и Витело (род. в 1220). Отсюда эксперимент, *scientia experimentalis* ⁹ Бэкона: допрос природы с применением пытки, с помощью рычагов и винтов. *Experimentum enim solum certificat* ¹⁰, как писал Альберт Великий. Такова военная хитрость хищника духа. Они думали, что

6. K. Th. Strasser. *Wikinger und Normannen* (1928).

7. К этому *Unterg. d. Abendl. Bd. I. Kap. VI.*

8. Там же *Bd. II. Kap. III. § 19.*

9. Экспериментальная наука (лат.).

10. Ибо единственное доказательство — эксперимент (лат.).

хотят «познать Бога», но желали только неорганических сил природы, той невидимой энергии, которая пребывает во всем; они хотели сделать полезным всё происходящее, изолированное, осязаемое. Фаустовское естествознание и только оно одно представляет собой динамику — против статистики грехов и алхимии арабов¹¹. Речь тут идет не о веществе, но и силе. Самая масса есть функция энергии. Гроссетест развивает теорию пространства как функции света, Петр Перегрин — теорию магнетизма. В одной рукописи 1322 года намечается коперниковская теория движения Земли вокруг Солнца, а полвека спустя Николай Орезм в *De coelo et mundo*¹² обосновывает эту теорию яснее и глубже, чем это сделал сам Коперник, а в *De differentia qualitatium*¹³ им предугадывается закон падения Галилея и геометрия координат Декарта. В Боге видят более не господина, правящего миром со своего трона, а бесконечную, едва персонифицировано мыслимую силу, которая повсеместно присутствует в мире. Необычна такая служба Богу — это экспериментальное исследование тайных сил благочестивыми монахами. И как было сказано одним старым немецким мистиком: как ты Богу служишь, так служит тебе Бог.

Уже не удовлетворялись службой растений, животных и рабов, захватом у природы сокровищ — металлов, дерева, волокна, воды в каналах и в колодцах; ее сопротивление стали побеждать мореплаванием, дорогами, мостами, туннелями и плотинами. Ее уже не просто грабили, отнимая у нее вещества, но вместе со всеми своими сила-

11. Unterg. d. Abendl. Bd. II. Kap. V. § 6.

12. «О небесах и о мире» (лат.).

13. «О различии качеств» (лат.).

ми она попадала под иго и рабски прислуживала приумножению человеческой мощи. Этот неслыханный для всех других культур замысел столь же стар, как фаустовская культура. Уже в X столетии мы встречаем технические инструкции совершенно нового типа. Роджер Бэкон и Альберт Великий думали о паровых машинах, парокотах и самолетах. Многие в своих кельях ломали голову над идеей *perpetuum mobile*¹⁴.

Эта мысль нас потом уже не оставляла. Вечный двигатель был бы окончательной победой над Богом и над природой (*deus sive natura*¹⁵): малый мир творит сам себя и, подобно большому миру, движим своей собственной силой, послушной только человеку. Самому построить мир, самому быть Богом — вот фаустовская мечта, из которой проистекли все проекты машин, насколько возможно приближавшиеся к недостижимой цели *perpetuum mobile*. Понятие добычи хищника было продумано до самого конца. Не что-то одно, вроде огня, украденного Прометеем, но сам мир со всеми своими тайными силами стал добычей, привносимой в постройку этой культуры. Тот, кто никогда не был одержим этой волей к всевластию, должен находить ее дьявольской — машин всегда боялись, считая их выдумкой дьявола.

с Роджера Бэкона начинается долгий ряд тех, кто погибал как колдун или еретик.

Но история западноевропейской техники продвигается вперед. Около 1500 года вместе с Васко де Гама и Колумбом начинается новый цикл походов викингов. **В** Вест- и Ост-Индии создаются

14. Вечный двигатель (лат.); Unterg. d. Abendl. Bd. I. Kap. IV. § 2.

15. Бог или природа (лат.).

новые царства и поток людей с нордической кровью¹⁶ выливается на Америку, где некогда впустую высаживались исландцы. Одновременно гигантским становится продвижение викингов духа, изобретаются порох и книгопечатание. Со времен Коперника и Галилея один за другим следуют новые технические методы, имеющие один и тот же смысл: найти неорганические силы окружающего мира и приспособить их к работе вместо животных и людей.

Вместе с ростом городов техника становится *бюргерской*. Наследником готического монаха был мирской ученый-изобретатель, познающий жрец машины. с появлением рационализма «вера в технику» делается чуть ли не материалистической религией: техника вечна и непреходяща, подобно Богу-Отцу; она освобождает человечество, подобно Сыну; она просветляет нас, как Дух Святой. а молится на нее филистер прогресса — от Ламетри до Ленина.

На деле страсть изобретателя не имеет ничего общего со своими последствиями. Она представляет собой личностное жизненное влечение, личное счастье и страдание, ему нужны победа над трудной проблемой, богатство и слава, приносимые успехом. Польза или вред, созидательный или разрушительный характер изобретения его не касались бы даже в том случае, если б о них дано было знать заранее. но воздействия «технического достижения человечества» никто не предскажет, не говоря уж о том, что «человечество» никогда и ничего не изобретало. Открытия в химии, вроде синтеза индиго, а потом искусственного каучука, уничтожили благосостояние целых стран, электри-

16. Unterg. d. Abendl. Bd II. Kap. II. Die Maschine. Эпистола о магните Петра Перегрина относится к 1269 году.

ческая передача и освоение гидравлики обесценили старые угледобывающие районы Европы вместе со всем их населением. Разве мысли о подобных последствиях остановили хоть одного изобретателя? Подобные мысли говорят о полном непонимании хищнической природы человека. Все великие открытия и изобретения происходят из радости победы сильного человека. Они — выражение личности, а не думающей о пользе массы, которая только наблюдает, но которая должна принимать последствия, какими бы они ни были.

А последствия чудовищны. Маленькая горстка прирожденных вождей, предпринимателей и изобретателей заставляет природу выполнять работу, исчисляемую миллионами и миллиардами лошадиных сил. В сравнении с нею физическая сила человека уже ничего не значит. Тайны природы понятны не больше, чем когда бы то ни было, но используются рабочие гипотезы, которые не «истинны», но только целесообразны. С их помощью природу понуждают покоряться человеческим приказам, малейшему нажатию кнопки или рычажка. Темп открытий фантастически растет, и тем не менее всё время приходится повторять, что нет никакого сбережения человеческого труда. Количество необходимых человеческих рук растет вместе с числом машин, поскольку роскошь техники ведет к росту всякого рода роскоши¹⁷, а искусственная жизнь делается всё более искусственной.

17. Ибо те, кто пустился в странствия из Испании, Португалии и Франции, по большей части были, конечно, потомками завоевателей времен Великого переселения народов. на месте остались представители той же самой человеческой породы, которые пересидели еще кельтов, римлян и сарацин.

Вместе с изобретением машины, хитрейшего из орудий в борьбе против природы, предприниматели и изобретатели получают необходимое им число рук для изготовления машин. Работа машины осуществляется благодаря неорганической силе пара или газа, электричества или тепла, высвобождаемой из угля, нефти и воды. **но** вместе с тем угрожающе растет душевное напряжение между вождами и ведомыми. Они более не понимают друг друга. Самые ранние «предприятия» дохристианских тысячелетий требовали понимающих работников, знающих и чувствующих, что предпринимается. Имелось некое товарищество, наблюдаемое сегодня разве что на охоте или спортивном состязании. Уже великие стройки древнего Египта и Вавилона этого не знали. Единичный работник не понимал ни цели, ни предназначения всего метода в целом. Он был к нему равнодушен, он мог его даже ненавидеть. «Труд» был проклятием, как о том говорится в библейском сказании о рае. **но** теперь, начиная с XVIII столетия, бесчисленные «руки» трудятся над вещами, о действительной роли которых в жизни (включая и собственную жизнь) они практически ничего не знают, в созидании которых они внутренне не принимают никакого участия. Всеохватывающее духовное опустошение, безотрадное равнодушие, не ведающее ни высот, ни глубин, пробуждает ожесточенность — против жизни одаренных, против рожденных творцами. Работники не желают ни видеть, ни понимать, что труд вождя является самой тяжелой работой, что от ее исполнения зависит и их собственная жизнь. Ощутимо лишь то, что эта работа делает счастливым, что она окрыляет и обогащает душу — за это ее и ненавидят.

XII

В действительности ни головы, ни руки ничего не могут изменить в судьбах машинной техники, развившейся из внутренней, душевной необходимости и ныне приближающейся к своему завершению, к своему концу. Мы стоим сегодня на вершине, там, где начинается пятый акт пьесы. Падают последние решения. Трагедия завершается.

Каждая высокая культура есть трагедия; трагична история человека в целом. Злодеяния и крушение фаустовского человека, однако, превосходят всё то, что могли изобразить Эсхил или Шекспир. Творение поднимается на творца. Как некогда микрокосм-человек поднялся на природу, так восстает теперь микрокосм-машина против нордического человека. Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, **при чем** всех без исключения, ведаем мы об этом или нет, хотим или нет — идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти.

К началу XX века «мир» на этой небольшой планете выглядел следующим образом: группа наций нордической крови под руководством англичан, немцев, французов и янки была хозяином положения. Их политическая власть покоилась на богатстве, а богатство заключалось в силе их промышленности, она, в свою очередь, была связана с углем. Наличие освоенных угольных шахт практически обеспечивало чуть ли не монополию германских народов и влекло за собой беспримерное во всей истории умножение населения. **В** местах добычи угля и в узловых точках путей сообщения собирались неслыханные человеческие массы, выведенные машинной техникой — для нее они работали и ею они жили. Прочие народы, будь они колониями или формально независи-

мыми государствами, играли роль поставщиков сырья или покупателей. Такое разделение **обеспечивалось** армией и флотом, содержание которых предполагало богатство индустриальных стран, а сами они в силу технической оснастки сделались машинами и «работали» по мановению руки. Здесь вновь заметно внутреннее родство, чуть ли не тождество политики, войны и экономики. Уровень военной мощи зависит от ранга индустрии. Промышленно бедные страны вообще бедны, а потому не способны оплачивать армию и войну. Они политически бессильны, а потому их работники, как вожди, так и ведомые ими, являются объектами экономической политики своих противников.

Массой исполнителей, смотрящих только своим завистливым взглядом «маленького человека», уже не понималась и не ценилась **растущая значимость работы вождей**, небольшого числа творческих голов, предпринимателей, организаторов, изобретателей, инженеров. **В** чуть большей мере они ценились в практичной Америке, в наименьшей степени в Германии «поэтов и мыслителей». Дурацкая фраза: «Все колеса встанут, если того захочет твоя сильная рука» затуманивала мозги болтунов и писак. **на** это способен и козел, если допустить его к приборам. Изобрести и создать эти колеса, чтобы от них кормилась эта самая «сильная рука», — это могут только немногие для того рожденные.

Непонимаемые и ненавидимые, стая сильных личностей, обладают иной психологией. Им еще ведомо победное чувство хищника, сжимающего в своих клыках трепещущую добычу, чувство Колумба, смотрящего на проступающую на горизонте землю, чувство Мольтке под Седаном, наблюдающего с высот Френуа, как к концу дня его

артиллерия замкнула кольцо окружения под Илли и тем самым довершила победу. Такие мгновения, такие вершины человеческого переживания сходны с теми, которые испытывает конструктор сходящего со стапелей огромного корабля или изобретатель новой безукоризненно работающей машины, или первого вздымающегося в воздух **цепеллина**.

Трагизм нашего времени заключается в том, что лишенное уз человеческое мышление уже не в силах улавливать собственные последствия. Техника сделалась эзотерической, как и высшая математика, которой она пользуется, как физическая теория, незаметно идущая со своими абстракциями от анализа явлений к чистым формам человеческого познания¹⁸. Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения. Меняется образ земли со всеми ее растениями, животными и людьми. **За** несколько десятилетий исчезает большинство огромных лесов, превратившихся в газетную бумагу. Это ведет к изменениям климата, угрожающим сельскому хозяйству целых народов. Истребляются бесчисленные виды животных, вроде буйвола, целые человеческие расы, вроде североамериканских индейцев и австралийских аборигенов, доходят до почти полного исчезновения.

Всё органическое подлежит тотальной организации, искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной, которая всё делает или желает делать по образу машины. Мыслят теперь исклю-

18. Достаточно сравнить уровень жизни рабочих в **1700** и **1900** годах, вообще жизненные условия городских рабочих с крестьянами.

чительно лошадиными силами. Во всяком водопаде видят только возможность электростанции. **на** кочующие по земле стада не могут смотреть без оценки привеса мяса, а на прекрасный предмет древнего ремесла первобытного народа не могут глядеть без желания заменить его современным техническим устройством. Есть в том смысл или нет, но техническое мышление желает осуществления. *Роскошь машины* — следствие принудительности мышления. **в** конечном счете машина есть символ, подобно своему тайному идеалу. *Perpetuum mobile* — это душевная, духовная, а не жизненная необходимость.

Машина входит в противоречие с хозяйственной практикой. Распад уже повсеместен. Цель машин исчезает за их числом и утонченностью. **в** больших городах масса автомобилей привела к тому, что пешком можно дойти быстрее. **в** Аргентине, на Яве и в других местах простой плуг с лошадью у мелкого землевладельца оказываются продуктивнее больших моторов и снова их вытесняют. Во многих тропических районах цветные крестьяне со своими примитивными методами сделались опасными конкурентами современных технизированных плантаций белых. Между тем, **белый** промышленный рабочий старой Европы и Северной Америки начинает ставить под сомнение свою работу.

Глупо говорить сегодня, **как-то** модно было в XIX веке, об угрожающем истощении угольных шахт за несколько столетий и о последствиях одного. Всё это мыслилось тоже материалистически. Даже не упоминая о том, что нефть и вода всё более привлекаются в качестве неорганических резервуаров энергии, техническое мышление способно очень быстро открыть и освоить совсем другие источники. **но** речь должна идти о совсем иных времен-

ных отрезках. Западноевропейско-американская техника умрет раньше. Этому послужит не **какое-нибудь** плоское обстоятельство, вроде нехватки сырьевых ресурсов, якобы способное сдержать развитие. Пока на высоте действующая **мысль**, она всегда сумеет создать средства для своих целей.

Но сколь долго она будет на этой высоте? Только для того, чтобы сохранить на достигнутом уровне технические методы и приспособления, требуется, скажем, 100 000 выдающихся голов организаторов, изобретателей и инженеров. Это должны быть сильные и одаренные головы, воодушевленные своим делом и готовые долгие годы учиться с железным упорством и огромными затратами. Действительно, на протяжении полувека у самой одаренной молодежи белых народов господствовало именно это стремление. Уже маленькие дети играли техническими игрушками. **В** городских слоях и семьях, сыновей которых в первую очередь следует принимать в расчет, имелись **благосостояние**, традиция профессиональной духовной деятельности и утонченная культура — нормальные предпосылки образования такого зрелого и позднего плода, как техническое мышление.

За последние десятилетия ситуация меняется во всех странах великой и старой промышленности. Фаустовское мышление начинает пресыщаться техникой. Чувствуется усталость, своего рода пацифизм в борьбе с природой. Склоняются к более простым, близким природе формам жизни, занимаются спортом, а не техникой, ненавидят большие города, ищут свободы от принуждения бездушной деятельностью, свободы от рабства у машины, от холодной атмосферы технической организации. Как раз сильные и творчески

одаренные отворачиваются от практических проблем и наук и поворачиваются к чистому умозрению. Вновь всплывают на поверхность презиравшиеся во времена дарвинизма индийская философия, оккультизм и спиритизм, метафизические мечтания христианской или языческой окраски. Это настроения Рима времен Августа. Из пресыщенности бегут от цивилизации в примитивные уголки Земли, уходят в бродяги, бегут в самоубийство. Начинается бегство прирожденных вождей от машины. Скоро в распоряжении тут останутся только второсортные таланты, запоздалые потомки великого времени. Во всяком большом предприятии обнаруживается убывание качества духа наследников. **но** великолепное техническое развитие XIX века было возможно только на основе постоянно растущего духовного уровня. Не только убывание, уже остановка тут опасна и указывает на приближение конца, независимо от числа хорошо обученных рабочих рук.

Но как обстоят дела с ними? Противостояние между работой вождей и работой ведомых достигло катастрофического уровня. Значимость первых и хозяйственная ценность всякой истинной личности в данной области стала настолько велика, что для большинства из нас эта ценность сделалась невидимой и непонятной. По другую сторону работа рук индивида утратила всякое значение. Цену теперь имеет лишь количество. Знание неотвратимости этого положения, возбуждаемое, растравляемое и финансово эксплуатируемое болтунами и писаками, оказывается столь безотрадным, что по-человечески можно понять восстание против машин (а не их владельцев, как то рекомендуется большинству). Этот бунт при-

нимает бесчисленные формы — от покушений или забастовок до самоубийств — бунт рук против своего удела, против машины, против организованной жизни, наконец, против всего и вся. Деятельность многих на протяжении тысячелетий предполагала организацию работы¹⁹, основанием которой было различие между вождями и ведомыми, головой и руками. Теперь она подрывается снизу. но «масса» есть лишь отрицание, а именно: отрицание самого понятия организации. Поэтому масса нежизнеспособна. Войско без офицеров представляет собой просто потерявшуюся и ненужную толпу²⁰. Мешанина из обломков кирпича и железа — уже не здание. Этот бунт грозит уничтожением технико-хозяйственной работы на всей Земле. Вожди могут удалиться, но тогда погибнут и сделавшиеся ненужными ведомые. Их обрекает на смерть самое их число.

Третий и самый серьезный симптом начинающегося крушения я назвал бы предательством техники. Речь тут идет о всем известном, но никогда не рассматривавшемся во взаимосвязи, которая только и выявляет роковой смысл. Неслыханное превосходство Западной Европы и Северной Америки во второй половине прошлого века по мощи всякого рода — хозяйственной, политической, военной мощи — покоилось на неоспоримой промышленной монополии. Крупная индустрия имела только там, где были залежи угля этих стран Севера. Остальной мир служил только рынком сбыта, и колониальная политика всегда была направлена на поиск новых рынков сбыта и сырья, а не на образование новых райо-

19. Unterg. d. Abendl. Bd. I. Kap. VI. § 14–15.

20. См. выше.

нов производства. Уголь имелся и в других местах, но добывать его мог только «белый» инженер. Мы были единственными владельцами не природных ископаемых, но методов и мозгов, обученных для применения этих методов. **на** этом покоилась роскошь жизненного уровня белого рабочего, доход которого был сравним с доходом цветного князька²¹ — это положение привело марксизм к гибели. Оно мстит нам сегодня, когда проблема безработицы приобретает всё большие размеры. Заработок белого рабочего представляет сегодня угрозу для его жизни: величина заработка зависела исключительно от монополии, воздвигнутой для него вождями промышленности²².

Так слепая воля к власти к концу XIX века начала совершать ошибки решающего значения. Вместо того чтобы держать в тайне технические знания, величайшее сокровище «белых» народов, им стали хвастаться и предлагать всему миру в высших школах, да еще гордились, глядя на изумление индийцев и японцев. Так называемое «рассеивание промышленности» также родилось из мысли об увеличении доходов, путем приближения производства к потребителю. **на** место простого экспорта продуктов пришел вывоз тайн, методов, инженеров и организаторов. Уезжают даже изобретатели. Они бегут от социализма, желающего подчинить их своему игу. Всем «цветным» открыты тайны нашей силы, они их постигают и используют. Японцы за тридцать лет стали первоклассными

21. На протяжении 15 лет советская власть занята не чем иным, как восстановлением под другими именами политической, военной и хозяйственной организации, которую она же и разрушила.

22. Под «цветными» я подразумеваю и жителей России, а также части Южной и Юго-Восточной Европы.

знатоками техники, доказав свое военно-техническое превосходство во время войны с Россией. у них могли бы поучиться и их учителя. Повсюду сегодня — в Восточной Азии, в Индии, в Южной Америке, в Южной Африке — возникают или замышляются промышленные центры, которые в силу низкой заработной платы представляют собой смертельных конкурентов. Непременные привилегии белых народов промотаны, растрчены, преданы. Их противники могут достичь того же или даже превзойти свой образец с помощью хитрости цветных рас и перезрелого интеллекта древнейших цивилизаций. **но** там, где имеются уголь, нефть и водная энергия, можно выковать и оружие против самого сердца фаустовской культуры. Тут начинается месть эксплуатируемого мира против своих владык. Бесчисленные руки цветных работают столь же умело и без таких притязаний, а это потрясает самые основания западной хозяйственной организации. Привычная роскошь белого рабочего в сравнении с кули сделается его проклятием. Сама работа белых становится избыточной. Гигантские массы северных шахт, промышленных предприятий, вложенного капитала, целые города и края находятся под угрозой конкуренции. Центр производства **неу-****клонно** смещается, а после мировой войны цветные утратили и всякое почтение к белым. Такова последняя причина безработицы в белых странах — это не кризис, это начало катастрофы.

Но для цветных — а в их число входят и русские — фаустовская техника не является втренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и живет в этой форме. Ему она душевно необходима — не ее хозяйственные последствия, но ее победы: *navigare necesse est*,

vivere non est necesse²³. Для «цветного» она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде временки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою роль. Машинная техника кончится вместе с фаустовским человеком, однажды она будет разрушена и позабыта — все эти железные дороги, пароходы, гигантские города с небоскребами, как некогда были оставлены римские дороги или Великая китайская стена, дворцы древних Мемфиса и Вавилона. История этой техники приближается к скорому и неизбежному концу. Она будет взорвана изнутри, как и все великие формы всех культур. Когда и как это произойдет — мы не знаем.

Перед лицом такой судьбы есть только одно достойное нас мировоззрение, некогда выраженное Ахиллом: лучше прожить короткую жизнь, полную деяний и славы, чем долгую пустую жизнь. Опасность настолько возросла — для каждого индивида, слоя, народа, — что самообман был бы жалким делом. Время неудержимо, обратного пути нет, как нет и мудрого отречения. Лишь мечтатели верят в наличие выхода. Оптимизм является трусостью.

Мы рождены в это время и должны смело пройти до конца предназначенный нам путь. Другого нет. Терпеливо и без надежды стоять на проигранных позициях — таков наш долг. Стоять, как тот римский солдат, чьи кости нашли перед воротами Помпеи, погибшего, потому что ему забыли отдать приказ об отходе во время извержения Везувия. Вот величие, вот что значит быть человеком расы. Этот полный чести конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека.

23. Плыть необходимо, жить не необходимо (лат.).

Выходные данные